

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЛИЦА:

Юлия Павловна Тугина, молодая вдова.

Глафира Фирсовна, тетка Юлии, пожилая небогатая женщина.

Вадим Григорьевич Дульчин, молодой человек.

Лука Герасимыч Дергачев, приятель Дульчина, довольно невзрачный господин и по фигуре и по костюму.

Флор Федулыч Прибытков, очень богатый купец, румяный старик, лет 60, гладко выбрит, тщательно причесан и одет очень чисто.

Михевна, старая ключница Юлии.

Небольшая гостиная в доме Тугиной. В глубине дверь входная, направо (от актеров) дверь во внутренние комнаты, налево окно. Драпировка и мебель довольно скромные, но приличные.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Михевна (у входной двери), потом Глафира Фирсовна.

Михевна. Девушки, кто там позвонил? Вадим Григорьич, что ли?

Глафира Фирсовна (входя). Какой Вадим Григорьич, это я! Вадим-то Григорьич, чай, позже придет.

Михевна. Ах, матушка, Глафира Фирсовна! Да никакого и нет Вадима Григорьича; это я так, обмолвилась... Извините!

Глафира Фирсовна. Сорвалось с языка, так уж нечего делать, назад не спрячешь. Эка досада, не застала я самой-то! Не близко место к вам даром-то путешествовать; а на извозчиков у меня денег еще не нажито. Да и разбойники же они! За твои же деньги тебе всю душеньку вытрясет, да еще того гляди вожжами глаза выхлестнет.

Михевна. Что говорить! То ли дело свои...

Глафира Фирсовна. Что, свои? Ноги-то, что ли?

Михевна. Нет, лошади-то, я говорю.

Глафира Фирсовна. Уж чего лучше! Да только у меня свои-то еще на Хреновском заводе; все купить не сберусь: боюсь, как бы не ошибиться.

Михевна. Так вы пешечком?

Глафира Фирсовна. Да, по обещанию, семь верст киселя есть. Да вот не в раз, видно, придется обратно на тех же, не кормя.

Михевна. Посидите, матушка; она, надо быть, скоро воротится.

Глафира Фирсовна. А куда ее бог понес?

Михевна. К вечеренке пошла.

Глафира Фирсовна. За богомолье принялась. Аль много нагрешила?

Михевна. Да она, матушка, всегда такая; как покойника не стало, все молится.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Глафира Фирсовна. Знаем мы, как она молится-то.

Михевна. Ну, а знаете, так и знайте! А я знаю, что правду говорю, мне лгать не из чего. Чайку не прикажете ли? У нас это мигом.

Глафира Фирсовна. Нет, уж я самое подожду. (Садится.)

Михевна. Как угодно.

Глафира Фирсовна. Ну, что ваш плезир-то?

Михевна. Как, матушка, изволили сказать? Не дослышала я...

Глафира Фирсовна. Ну, как его поучтивей-то назвать? Победитель-то, друг-то милый?

Михевна. Не понять мне разговору вашего, слова-то больно мудреные.

Глафира Фирсовна. Ты дуру разыгрываешь аль стыдишься меня? Так я не барышня. Поживешь с мое-то, да в бедности, так стыдочек-то всякий забудешь, ты уж в этом не сомневайся. Я про вадима Григорьича тебя спрашиваю...

Михевна (приложив руку к щеке). Ох, матушка, ох!

Глафира Фирсовна. Что заохала?

Михевна. Да стыдно очень. Да как же вы узнали? А я думала, что про это никому не известно...

Глафира Фирсовна. Как узнала? Имя его ты сама сейчас сказала мне, Вадимом Григорьичем окликнула.

Михевна. Эка я глупая.

Глафира Фирсовна. Да, кроме того, я и от людей слышала, что она в приятеля своего много денег проживает... Правда, что ли?

Михевна. Верного я не знаю; а как, чай, не проживать; чего она для него пожалеет!

Глафира Фирсовна. То-то муж-то ее, покойник, догадлив был, чувствовало его сердце, что вдове деньги понадобятся, и оставил вам миллион.

Михевна. Ну, какой, матушка, миллион! Много меньше.

Глафира Фирсовна. Ну, уж это у меня счет такой, я все на миллионы считаю: у меня, что больше тысячи, то и миллион. Сколько в миллионе денег, я и сама не знаю, а говорю так, потому что это слово в моду пошло. Прежде, Михевна, богачей-то тысячами звали, а теперь уж все сплошь миллиончики пошли. Нынче скажи-ка про хорошего купца, что он обанкрутился тысяч на пятьдесят, так он обидится, пожалуй, а говори прямо на миллион либо два, – вот это верно будет... Прежде и пропажи-то были маленькие, а нынче вон в банке одном семи миллионов недосчитались. Конечно, у себя-то в руках и приходу и расходу больше полтины редко видишь; а уж я такую смелость на себя взяла, что чужие деньги все на миллионы считаю и так-то свободно об них разговариваю... Миллион, и шабаш! Как же она, вещами, что ль, дарит ему аль деньгами?

Михевна. Про деньги не знаю, а подарки ему идут поминутно, и все дорогие. Ни в чем у него недостатка не бывает, – и в квартире-то все наше; то она ему чернильницу новую на стол купит со всем прибором...

Глафира Фирсовна. Чернильница-то дорогая, а писать нечего.

Михевна. Какое писанье, когда ему; он и дома-то не живет... И занавески ему на окна переменит, и мебель всю заново. А уж это посуда, белье и что прочее, так он и не знает, как у него все новое является, – ему-то все кажется, что все то же... До чего уж, до самой малости; чай с сахаром и то от нас туда идет...

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Глафира Фирсовна. Все еще это не беда, стерпеть можно. Разные бабы-то бывают: которая любовнику вещами, – та еще, пожалуй, капитал и сбережет; а которая деньгами, ну, уж тут разоренье верное...

Михевна. Сахару больно жалко: много его у них выходит... Куда им пропасть этакая?

Глафира Фирсовна. Как же это у вас случилось, как ее угораздило такой хомут на шею надеть?..

Михевна. Да все эта дача проклятая. Как жили мы тогда, вскоре после покойника, на даче, – жили скромно, людей обегали, редко когда и на прогулку ходили, и то куда подальше... тут его и нанесло, как на грех. Куда не выдем из дому, все встретится да встретится. Да молодой, красивый, одет как картинка; лошади, коляски какие! А сердце-то ведь не камень... Ну, и стал присватываться, она не прочь; чего еще – жених хоть куда и богатый. Только положили так, чтоб отсрочить свадьбу до зимы: еще мужу год не вышел, еще траур носила. А он, между тем временем, каждый день ездит к нам как жених и подарки и букеты возит. И так она в него вверилась, и так расположилась, что стала совсем как за мужа считать. Да и он без церемонии стал ее добром, как своим, распорядиться. «Что твое, что мое, говорит, это все одно». А ей это за радость: «Значит, говорит, он мой, коли так поступает; теперь у нас, говорит, за малым дело стало, только повенчаться».

Глафира Фирсовна. Да, за малым! Ну, нет, не скажи! Что ж дальше-то?... Траур кончился... зима пришла...

Михевна. Зима-то пришла, да и прошла, да вот и другая скоро придет.

Глафира Фирсовна. А он все еще в женихах числится?

Михевна. Все еще в женихах.

Глафира Фирсовна. Долгонько. Пора б порешить чем-нибудь, а то что людей-то срамить!

Михевна. Да чем, матушка! Как мы живем? Такая-то тишина, такая-то скромность, прямо надо сказать, как есть монастырь: мужского духу и в заводе нет. Ездит один Вадим Григорыч, что греха таить, да и тот больше в сумеречках. Даже которые его приятели, и тем к нам ходу нет... Есть у него один такой, Дергачев прозывается, тот раза два было сунулся...

Глафира Фирсовна. Не попотчуют ли, мол, чем?

Михевна. Ну, конечно, человек бедный, живет впроголодь, – думает и закусить и винца выпить. Я так их и понимаю. Да я, матушка, пугнула его. Нам не жаль, да бережемся; мужчины чтоб ни-ни, ни под каким видом. Вот как мы живем... И все-то она молится да постится, бог с ней.

Глафира Фирсовна. Какая ж тому причина, с чего ей?...

Михевна. Чтоб женился. Уж это всегда так.

Глафира Фирсовна. А я так думаю, что не даст ей бог счастья. Родню забывает... Уж коли задумала она капитал размотать, так лучше бы с родными, чем с чужими. Взяла бы хоть меня; по крайности и я бы пожила в удовольствие на старости лет...

Михевна. Это уж ее дело; а я знаю, что у ней к родным расположение есть.

Глафира Фирсовна. Незаметно что-то. Сама прочь от родных, так и от нас ничего хорошего не жди, особенно от меня. Женщина я не злая, а ноготок есть, удружить могу. Ну, вот и спасибо, только мне и нужно, все я от тебя вызнала. Что это, Михевна, как две бабы сойдутся, так они наболтают столько, что в большую книгу не упишешь, и наговорят того, что, может быть, и не надо?

Михевна. Наша слабость такая женская. Разумеется, по надежде говоришь, что ничего из этого дурного не выдет. А кто же вас знает, в чужую душу не влезешь, может, вы с каким умыслом спрашиваете. Да вот она и сама, а я уж по хозяйству пойду. (Уходит.)

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Входит Юлия Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Глафира Фирсовна, Юлия.

Юлия (снимая платок). Ах, тетенька, какими судьбами? Вот обрадовали!

Глафира Фирсовна. Полно, полно, уж будто и рада?

Юлия. Да еще бы! конечно, рада.

Целуются.

Глафира Фирсовна. Бросила родню-то, да и знать не хочешь! Ну, я не спесива, сама пришла, уж рада не рада ль, а не выгонишь, ведь тоже родная.

Юлия. Да что вы! Я родным всегда рада, только жизнь моя такая уединенная, никуда не выезжаю. Что делать-то, уж такая я от природы! А ко мне всегда милости просим.

Глафира Фирсовна. Что это ты, как мещанка, платком покрываешься? Точно сирота какая.

Юлия. Да и то сирота.

Глафира Фирсовна. С таким сиротством еще можно жить. Ох, сиротами-то зовут тех, кого пожалеть некому, а у богатых вдов печальники найдутся. Да я бы на твоём месте не то что в платочке, а в аршин шляпку-то соорудила, развалилась в коляске, да и покатывай! На, мол, смотри!

Юлия. Не удивишь нынче никого, что ни надень. Да и мне рядиться-то не к чему и не к месту было, я к вечерне ходила.

Глафира Фирсовна. Да, уж тут попугаем-то вырядиться не для кого, особенно в будни. Да что ты долго? Вечерни-то давненько отошли.

Юлия. Да после вечерни-то свадьба была простенькая, так я осталась посмотреть.

Глафира Фирсовна. Чего это ты, милая, не видала? Свадьба как свадьба. Чай, обвели да и повезли, не редкость какая.

Юлия. Все-таки, тетенька, интересно на чужую радость посмотреть.

Глафира Фирсовна. Ну, посмотрела, позавидовала чужому счастью, и довольно! Аль ты свадьбы-то смотришь, как мы, грешные? Мы так глаза-то вытаращим, что не то что бриллианты, а все булавки-то пересчитаем. Да еще глазам-то не верим, так у всех провожатых и платья и блонды пересчитаем, настоящие ли?

Юлия. Нет, тетенька, я в народе не люблю, я издали смотрела; в другом приделе стояла. И какой случай! Вижу я, входит девушка, становится поодаль, в лице ни кровинки, глаза горят, уставилась на жениха-то, вся дрожит, точно помешанная. Потом, гляжу, стала она креститься, а слезы в три ручья так и полились. Жалко мне ее стало, подошла я к ней, чтобы разговорить да увести поскорее. И сама-то плачу.

Глафира Фирсовна. Ты-то об чем, не слышать ли?

Юлия. Заговорили мы: «Пойдемте, – говорю я, – дорогой потолкуем! Мы тут со слезами-то не лишние ли?» – «Вы-то, не знаю, говорит, а я лишняя». Посмотрела с минуточку на жениха, кивнула головой, прошептала «прощай», и пошли мы со слезами.

Глафира Фирсовна. Дешевы слезы-то у вас.

Юлия. Уж очень тяжело это слово-то «прощай». Вспомнила я мужа-покойника, очень я

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru плакала, как он умер, а как пришлось сказать «прощай» в последний раз, так ведь я было сама умерла. А каково сказать «прощай навек» живому человеку, ведь это хуже, чем похоронить.

Глафира Фирсовна. Эка у вас печаль по этим заблужденным! Да бог с ней! Всякая должна знать, что только божье крепко.

Юлия. Так-то так, тетенька, да коли любишь человека, коль всю душу в него положила?

Глафира Фирсовна. И откуда это в вас такая горячая любовь проявляется?

Юлия. Что ж делать-то? Ведь уж это кому как дано. Конечно, кто любви не знает, тем легче жить на свете.

Глафира Фирсовна. Э, да что нам о чужих! Поговори о себе. Как твой-то сокол?

Юлия. Какой мой сокол?

Глафира Фирсовна. Ну, как величать-то прикажешь? жених там, что ли? Вадим Григорьевич.

Юлия. Да как же... Да откуда ж вы?...

Глафира Фирсовна. Откуда узнала-то? Слухом земля полнится: хоть в трубы еще не трубят, а разговор идет.

Юлия (конфузясь). Да теперь скоро, тетенька, свадьба у нас.

Глафира Фирсовна. Полно, так ли? Ненадежен он, говорят, да и мотоват очень.

Юлия. Уж каков есть, такого и люблю.

Глафира Фирсовна. Удерживать бы немножко.

Юлия. Как можно, что вы говорите! Ведь не жена еще, как я смею что-нибудь сказать? Вот бог благословит, тогда другое дело; а теперь я могу только лаской да угождением. Кажется, рада бы все отдать, только б не разлюбил.

Глафира Фирсовна. Что ты, стыдись! Молодая, красивая женщина, да на мужчину разоряться, не старуха ведь.

Юлия. Да я и не разоряюсь и не думала разоряться, он сам богат. А все ж таки чем-нибудь привязать нужно. Живу я, тетенька, в глуши, веду жизнь скромную, следить за ним не могу; где он бывает, что делает... Иной раз дня три, четыре не едет, чего не передумаешь; рада бог знает что отдать, только бы увидеть-то.

Глафира Фирсовна. Чем привязать, не знаешь? А ворожба-то на что? Чего другого, а этого добра в Москве не занимать стать. Такие снадобья знают, испробованные! Я дамы четыре знаю, которые этим мастерством занимаются. Вон Манефа говорит: «Я своим словом на краю света, в Америке достану и там на человека тоску да сухоту нагоню. Давай двадцать пять рублей в руки, из Америки ворочу». Вот ты бы съездила.

Юлия. Нет, что вы, как это можно?

Глафира Фирсовна. Ничего. А то есть один отставной секретарь, горбатый, так он и ворожит, и на фортепьянах играет, и жестокие романсы поет – так оно для влюбленных-то как чувствительно.

Юлия. Нет, ворожить я не стану.

Глафира Фирсовна. А ворожить не хочешь, так вот тебе еще средство: коли чуть долго не едет к тебе, сейчас его, раба божьего, в поминанье за упокой!... Какую тоску-то нагонишь, мигом прилетит...

Юлия. Ничего этого не нужно.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Глафира Фирсовна. Греха боишься? Оно точно что грех.

Юлия. Да и не хорошо.

Глафира Фирсовна. Так вот тебе средство безгрешное: можно и за здоровье, только свечку вверх ногами поставить: с другого конца зажечь. Как действует!

Юлия. Нет, уж вы оставьте! Зачем же!

Глафира Фирсовна. А лучше-то всего, вот наш тебе совет: брось-ка ты его сама, пока он тебя не бросил.

Юлия. Ах, как можно, что вы! всю жизнь положивши, да я жива не останусь.

Глафира Фирсовна. Потому как нам, родственным людям, сраму от тебя переносить не хочется. Послушай-ка, что все родные и знакомые говорят.

Юлия. Да что им до меня! Я никого не трогаю, я совершеннолетняя.

Глафира Фирсовна. А то, что нигде показаться нельзя, везде спросы да насмешки: «Что ваша Юленька? Как ваша Юленька?» Вот посмотри, как Флор Федулыч расстроен через тебя.

Юлия. И Флор Федулыч?

Глафира Фирсовна. Я его недавно видела, он сам хотел быть у тебя сегодня.

Юлия. Ай, стыд какой! Зачем это он? Такой почтенный старик.

Глафира Фирсовна. Сама себя довела.

Юлия. Я его не приму. Как я стану с ним разговаривать? С стыда сгоришь.

Глафира Фирсовна. Да ты не очень бойся-то. Он хоть строг, а до вас, молодых баб, довольно-таки снисходителен. Человек одинокий, детей нет, денег двенадцать миллионов.

Юлия. Что это, тетенька, уж больно много.

Глафира Фирсовна. Я так, на счастье говорю, не пугайся, мои миллионы маленькие. А только много, очень много, страсть сколько деньжищев! Чужая душа – потемки, кто знает, кому он деньги-то оставит, вот все родные-то перед ним и раболепствуют. И тебе тоже его огорчать-то бы не надо.

Юлия. Какая я ему родня! Седьмая вода на киселе, да и то по муже.

Глафира Фирсовна. Захочешь, так родней родни будешь.

Юлия. Я этого не понимаю, тетенька, и не желаю понимать.

Глафира Фирсовна. Очень просто: исполняй всякое желание его, всякий каприз, так он еще при жизни тебя озолотит.

Юлия. Надо знать, какие у него капризы-то! Другие капризы и за ваши двенадцать миллионов исполнять не согласишься.

Глафира Фирсовна. Капризные старики кому милы, конечно. Да старик-то он у нас чудной, сам стар, а капризы у него молодые. А ты разве забыла, что он твоему мужу был первый друг и благодетель. Твой муж пред смертью приказывал ему, чтоб он тебя не забывал, чтоб помогал тебе и советом и делом и был тебе вместо отца.

Юлия. Так не я забыла-то, а он. После смерти мужа я его только один раз и видела.

Глафира Фирсовна. Можно ль с него требовать? Мало ль у него делов-то без тебя! у него все это время мысли были заняты другим. Сирота у него была на попечении, красавица, получше тебя гораздо; а вот теперь он отдал ее замуж, мысли-то у него и освободились, и об тебе вспомнил, и до тебя очередь дошла.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Юлия. Очень я благодарна флору Федулычу, только я никаких себе попечителей не желаю, и напрасно он себя беспокоит.

Глафира Фирсовна. Не отталкивай родню, не отталкивай! Проживешься до нитки, куда денешься? К нам же прибежишь.

Юлия. Ни к кому я не пойду, гордость моя не позволит, да мне и незачем. Что вы мне бедность пророчите? Я не маленькая: и сама собою и своими деньгами я распорядиться сумею.

Глафира Фирсовна. А я другие разговоры слышала.

Юлия. Нечего про меня слышать. Конечно, от сплетен не уберешься, про всех говорят, особенно прислуга; так хорошему человеку, солидному, стыдно таким вздором заниматься.

Глафира Фирсовна. Вот так! Сказала, как отрезала. Так и знать будем.

Входит Михевна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Юлия, Глафира Фирсовна и Михевна.

Михевна. Чай готов, не прикажете ли?

Глафира Фирсовна. Нет, чай, бог с ним! Вот чудо-то со мной, вот послушай! Как вот этот час настанет, и начинает меня на съестное позывать. И с чего это случилось?

Юлия. Так можно подать.

Глафира Фирсовна. Зачем подавать? У тебя ведь, я чай, есть такой шкапчик, где все это соблюдается – и пропустить можно маленькую и закусить! Я не спесива: мне огурец – так огурец, пирог – так пирог.

Юлия. Есть, тетенька, как не быть!

Глафира Фирсовна. Вот мы к нему и пристроимся. Перекушу я малым делом, да уж и пора мне. Засиделась я у тебя, а мне еще через всю Москву шествовать.

Юлия. Неужели такую даль пешком? Тетенька, если вы не обидитесь, я бы предложила вам на извозчика. (Вынимает рублевую бумажку.) А то лошадь заложить?

Глафира Фирсовна. Не обижусь. От другого обижусь, а от тебя нет, не обижусь, от тебя возьму. (Берет бумажку.) Когда тут лошадь закладывать!

Юлия и Глафира Фирсовна уходят в дверь направо, Михевна идет за ними. Звонок.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Михевна, потом Дергачев.

Михевна. Ну, уж это Вадим Григорыч, по звонку слышу. (Идет к двери, навстречу ей Дергачев.) Ох, чтоб тебя!

Дергачев (важно). Я желаю видеть Юлию Павловну.

Михевна. Ну, да мало ль чего вы желаете. К нам, батюшка, в дом мужчины не ходят. И кто это вас пустил? Сколько раз говорила девкам, чтоб не пускали.

Дергачев (пожимая плечами). Вот нравы!

Михевна. Ну да, нравы! Пускать вас, так вы повадитесь.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Дергачев. Я не за тем пришел, чтоб твои глупости слушать. Доложи, милая, Юлии Павловне.

Михевна. Да, милый, нельзя.

Дергачев. Что за вздор! Мне нужно видеть Юлию Павловну.

Михевна. Ну, да ведь не особенная какая надобность.

Дергачев. У меня есть письмо к ней.

Михевна. А письмо, так давай его и ступай с богом.

Дергачев. Я должен отдать в собственные руки.

Михевна. И у меня свои собственные руки, не чужие. Чего боишься? Не съем его.

Входит Юлия Павловна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дергачев, Михевна, Юлия Павловна.

Юлия. Что у вас тут за разговор? А, Лука Герасимыч, здравствуйте!

Дергачев. Честь имею кланяться! Письмо вот от Вадима. (Подает письмо.)

Юлия. Покорно вас благодарю. Ответа не нужно?

Дергачев. Ответа не нужно-с, он сам заедет.

Юлия. Что, здоров он?

Дергачев. Слава богу-с.

Михевна. Не держи ты его, отпусти поскорее, что хорошего?

Дергачев. Могу я его здесь подождать-с?

Юлия. Лука Герасимыч, извините! Я жду одного родственника, старика, понимаете?

Михевна. Да, Герасимыч, ступай, ступай!

Дергачев. Герасимыч! Какое невежество!

Михевна. Не взыщи!

Юлия. Не сердитесь на нее, она женщина простая. До свидания, Лука Герасимыч!

Дергачев. До свидания, Юлия Павловна! Как ни велика моя дружба к Вадиму, но уже подобных поручений я от него принимать не буду, извините-с! Я сам ему предложил-с, я думал провести время...

Михевна. Ну, что еще за разговоры развел?

Юлия. Что делать, у нас это не принято. (Кланяется.)

Михевна (Юлии). Глафира Фирсовна ушла?

Юлия. Ушла.

Михевна (Дергачеву). Пойдем, пойдем, я провожу.

Дергачев раскланивается и уходит, Михевна за ним.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Юлия, потом Михевна.

Юлия (раскрывает письмо и читает). «Милая Юлия, я сегодня буду у тебя непременно, хоть поздно, а все-таки заеду». Вот это мило с его стороны. (Читает.) «Не сердись, моя голубка». (Повторяет.) «Моя голубка»! Как хорошо пишет. Как на такого голубя сердиться! (Читает.) «Я все эти дни не имел минуты свободной: все дела и дела и, надо признаться, не очень удачные. Я все более и более убеждаюсь, что мне без твоей любви жить нельзя. И хотя я подвергаю ее довольно тяжким испытаниям и сегодня же потребую от тебя некоторой жертвы, но ты сама меня избаловала, и я уверен заранее, что ты простишь все твоему безумному и безумно любящему тебя Вадиму».

Входит Михевна.

Михевна. Кто-то подъехал, никак Флор Федулыч.

Юлия (прячет письмо в карман). Так ты поди, сядь в передней, да посматривай хорошенько! Если приедет Вадим Григорьич, проводи его кругом да попроси подождать в угольной комнате. Скажи, мол, дяденька у них.

Михевна уходит. Входит Флор Федулыч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Юлия, Флор Федулыч.

Флор Федулыч (кланяясь и подавая руку). Честь имею... Прошу извинить!

Юлия. Забыли, Флор Федулыч, забыли. Прошу садиться.

Флор Федулыч. Да-с, давненько. (Садится.)

Юлия (сажаясь). Я ведь никуда, Флор Федулыч, я все дома – а ежели ко мне кто, я очень рада.

Флор Федулыч. Здоровьице ваше?

Юлия. Да ничего, я... слава богу...

Флор Федулыч. Дюшесы нынче не дороги-с...

Юлия. Что вы так смотрите на меня, Флор Федулыч! Переменилась я?

Флор Федулыч. К лучшему-с.

Юлия. Ну, что вы, не может быть.

Флор Федулыч. Позвольте, позвольте-с! В этом мы не ошибаемся, на том стоим: очаровательность женскую понимаем. (Осматривая комнату.) Домик-то так, после смерти супруга, и не отделявали?

Юлия. Кто у меня бывает, кто его видит! Зачем же лишний расход.

Флор Федулыч. Что касается приличия, то никогда не лишнее, а даже необходимое-с. А дом этот точно отделять не стоит. Он почти за чертой города, доходу не приносит, состоит при фабрике, которая давно нарушена, ну и значит, вам надо это имение продать.

Юлия. А где же мне жить, Флор Федулыч?

Флор Федулыч. Зачем же вам жить в захолустье и скрывать себя? Вы должны жить на виду и дозволить нам любоваться на вас. Патти не приедет-с.

Юлия. Очень жаль, так я ее и не услышу.

Флор Федулыч. Не услышите-с. Да ведь у вас есть другой дом, в городе-с. Отделать

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru там небольшую квартиру, комнат шесть-семь, хороших; две-три гостиные-с, будуар. Мебель а-ля Помпадур-с.

Юлия. Сколько хлопот, да и не привычна я к такой жизни.

Флор Федулыч. Хлопоты-с эти не ваше дело-с, это я беру на себя, вам только и труда будет переехать-с. А если вы не привычны к такой жизни, так мы вас постепенно приучим.

Юлия. Покорно вас благодарю.

Флор Федулыч. А лошадок держите?

Юлия. Пару продала, а то всё те же, старые.

Флор Федулыч. Пора переменить-с; да это дело минутное, не стоит и говорить-с. Экипажи тоже надо новенькие, нынче другой вкус. Нынче полегче делают и для лошадей и для кармана; как за коляску рублей тысячу с лишком отдашь, так в кармане гораздо легче сделается. Хоть и грех такие деньги за экипаж платить, а нельзя-с, платим, – наша служба такая. Я к вам на днях каретника пришлю, можно будет старые обменять с придачею.

Юлия. Все это напрасно, Флор Федулыч, мне ничего не нужно.

Флор Федулыч. Не то что напрасно, а обойтись нельзя без этого. Уж если у нас бабы, пудов в семь весом, в таких экипажах разъезжают; так уж вам-то, при вашей красоте, в забвении-с быть невозможно-с. Абонемент на настоящий сезон не имеете?

Юлия. Нет, я еще об этом не подумала.

Флор Федулыч. Что прикажете: кресло, бельэтаж-с?

Юлия. Не беспокойтесь, если вздумаю, так еще успею достать.

Флор Федулыч. Теперь позвольте объяснить, в чем состоит цель моего визита.

Юлия. Сделайте одолжение.

Флор Федулыч. Денег приехал занять у вас, Юлия Павловна.

Юлия. Денег? да на что вам? у вас своих девать некуда.

Флор Федулыч. Мы найдем место, употребим с пользой. Я вам хорошие проценты дам.

Юлия. А много ли же вам нужно?

Флор Федулыч. Да все пожалуйста, все, что у вас есть.

Юлия. А у меня-то что ж останется?

Флор Федулыч. Да вам и не след иметь деньги, это не женское дело-с. Женское дело – проживать, тратить; а сберегать капиталы, в настоящее время, и для мужчины довольно хитро, а для женщины невозможно-с.

Юлия. Вы так думаете, Флор Федулыч?

Флор Федулыч. Не думаю, а наверно знаю. У женщины деньги удержаться не могут, их сейчас отберут. До прочих нам дела нет; а вас мы беречь должны. Коли мы за вашими деньгами не усмотрим, нам будет грех и стыдно. Ведь если вас оберут, мы заплачем. А вы мне пожалуйста ваши деньги и все бумаги, я вам сохранную расписку дам и буду вашим кассиром. Капитал ваш останется неприкосновенным, а сколько вам потребуется на проживание, сколько бы ни потребовалось, вы всегда можете получить от меня.

Юлия. Но я могу прожить более того, сколько мне следует процентов.

Флор Федулыч. Это не ваши расчеты; и барыш мой, и убыток мой, на то мы и купцы. Ваше дело – жить в удовольствии, а наше дело – вас беречь и лелеять.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Юлия. Даром я ничьих услуг принимать не желаю: чем же я заплачу вам за ваши заботы?

Флор Федулыч. Разве дети платят что-нибудь своим родителям?

Юлия. Платят, Флор Федулыч, и очень дорого: платят любовью.

Флор Федулыч. Так ведь и мне, кроме этого, ничего не нужно-с.

Юлия. Я вам очень благодарна за вашу доброту; но принять вашего предложения решительно не могу.

Флор Федулыч. Почему же-с?

Юлия. Я выхожу замуж.

Флор Федулыч. Это дело другого рода-с. Позвольте полюбопытствовать имя, отчество и звание вашего будущего супруга.

Юлия. Я теперь не могу сказать, еще дело не решено.

Флор Федулыч. Хоть и не решено, но зачем же скрывать-с? Тут дурного ничего нет-с. Я могу быть вам полезен, могу лучше вас разузнать о человеке и вовремя предупредить, если дело неподходящее. Не шутка-с, счастье и несчастье всей жизни зависит.

Юлия. Нет, Флор Федулыч, в таком деле я на людей полагаться не хочу, я сама желаю устроить свою жизнь.

Флор Федулыч (встает). Как вам будет угодно-с. Значит, мои услуги вам не нужны-с?

Юлия. Очень жалею, Флор Федулыч, что не могу принять их.

Флор Федулыч. Значит, вы всем довольны и счастливы? Это очень приятно видеть-с. Ну, хоть какой-нибудь нужды, хоть какой-нибудь надобности нет ли у вас? Доставьте мне удовольствие исполнить вашу просьбу!

Юлия. Мне решительно ничего не нужно.

Флор Федулыч. И дай бог, и дай бог, чтобы всегда так было-с. А ежели, чего сохрани бог...

Юлия. Какая б у меня ни была нужда, я к родным не пойду за милостыней.

Флор Федулыч. Не о милостыне речь-с.

Юлия. Ничего у родных и знакомых, Флор Федулыч, ничего, это мое правило.

Флор Федулыч. Но, во всяком случае, прошу не забывать-с! Милости прошу откушать как-нибудь. Я всякий день дома-с; от пяти до семи часов-с, больше времени свободного не имею-с.

Юлия. Благодарю вас. Постараюсь, Флор Федулыч.

Флор Федулыч. Честь имею кланяться. (Идет к двери). Росси изволили видеть?

Юлия. Нет, я ведь совершенно никуда.

Флор Федулыч. Хороший актер-с. Оно довольно для нас непонятно, а интересно посмотреть-с. До свидания-с. (Уходит.)

Из боковой двери выходит Дульчин.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Юлия, Дульчин.

Юлия (бросаясь к Дульчину). Ах, милый, ты уж здесь?

Дульчин. Здравствуй, Юлия, здравствуй!

Юлия (вглядываясь). Ты чем-то расстроен?

Дульчин. Отвратительное положение.

Юлия. Что такое? Говори скорей!

Дульчин. Ох, уж мне совестно и говорить-то тебе.

Юлия. Да что, скажи, не мучь меня!

Дульчин. Денег нужно.

Юлия. Много?

Дульчин. Много.

Юлия. Ах, милый мой, да давно ли...

Дульчин (хватаясь за голову). А, черт возьми! Уж я не знаю, давно ли, – теперь нужно, платить по векселю нужно, – завтра срок.

Юлия. Что ты прежде не подумал, отчего не предупредил меня?

Дульчин. Совсем из головы вон. Да я надеялся, что он отсрочит, он столько пользовался от меня. А вчера вдруг ни с того ни с сего: «Нет, говорит, тебе больше кредиту, плати».

Юлия. Да кто он-то?

Дульчин. Салай Салтаныч. А кто он такой, кто же его знает. Обалдуй-Оглы Тараканов, турецкий жид, армянский грек, туркмен, бухарец, восточный человек... разве в них жалость есть, он зарежет равнодушно.

Юлия. Как же быть-то?

Дульчин. Как быть? Надо платить.

Юлия. Где же взять-то?

Дульчин. Где-нибудь надо. Мне не дадут, конечно, и толковать нечего.

Юлия. Отчего же, мой друг?

Дульчин. В Москве и всегда было мало кредиту, потому он и дорог; а теперь и совсем нет. Капиталисты – какие-то скептики. Далеко еще нам до Европы; разве у нас понимают, что кредит – великий двигатель? Ну, что мы, крупные землевладельцы, без кредиту, все равно что без рук. Подумай хорошенько, Юлия, поищи, попроси у кого-нибудь!

Юлия. Где же мне искать, у кого просить? Решительно не у кого.

Дульчин. Ах, отчаяние! Вот урок, вот урок! Ведь меня арестуют!

Юлия (испугавшись). Как арестуют?

Дульчин. Так; посадят в знаменитую московскую яму. Ведь это конец всякой репутации, всякого кредита.

Юлия. Ах, мой милый, так надо искать денег, непременно надо.

Дульчин. «Надо, надо!» Разумеется, надо. А как найдешь? (Махнув рукой.) Э, да что тут! Лучше не искать.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Юлия. Что же? как же?

Дульчин. Так. Сесть в яму попробовать.

Юлия. Ах, срам! что ты, что ты!

Дульчин. Может быть, это образумит меня несколько, исправит. Ведь ты все-таки меня будешь любить, не разлюбишь за это?

Юлия. Какие глупости!

Дульчин. Одного только боюсь: потеряешь уважение к себе, потеряешь самолюбие. А без самолюбия легко сделаться грязным трактирным героем или шутком у богатых людей. Нет, уж лучше пулю в лоб.

Юлия. Ах, перестань! Какие страшные вещи ты говоришь.

Дульчин. Нисколько не страшно. А коли, на твой взгляд, это уж очень страшно кажется, так ищи денег.

Юлия. погоди, дай подумать. Вот сейчас у меня был богатый человек, он обещал и предлагал мне все, что я пожелаю.

Дульчин. Вот и прекрасно! Что же ты ему сказала?

Юлия. Я ему сказала, что ни в чем не нуждаюсь, что у меня свой капитал; да если бы и нуждалась, так от него ничего и никогда не приму.

Дульчин. Зачем же это, Юлия, зачем? Это просто возмутительно! Эх вы, женщины! Человек набивается с деньгами, а ты его гонишь прочь. Такие люди нужны в жизни, очень нужны, пойми ты это!

Юлия. Да ведь эти люди даром ничего не дают. Он действительно осыплет деньгами, только надо идти к нему на содержание.

Дульчин. Да... вот что... Ну, конечно... а впрочем...

Юлия. Как «впрочем»? Ты с ума сошел?

Дульчин. Нет, я не то... Все-таки с ним нужно поласковее. А так, по знакомству, он не даст тебе? Взаимы не даст?

Юлия. Не знаю, едва ли. Но как просить у него? Сказать ему, что я солгала, что у меня капитала уж нет? Так ведь надо объяснить, куда он делся. Придется выслушивать разные упреки и сожаления, а может быть, и неучтивый, презрительный отказ. Сколько стыда, унижения перенесешь. Ведь это пытка!

Дульчин (целуя руки Юлии). Юлия, голубушка, попроси, спаси меня!

Юлия. Надо спасать, нечего делать. Тяжело будет и стыдно, ох как стыдно.

Дульчин. Это уж последняя твоя жертва, клянусь тебе!

Юлия (задумавшись). Я думаю, что выпрошу. У женщин есть средство хорошее: слезы. Да коли они от души, так должны подействовать.

Дульчин. Нет, зачем, нет, зачем! Юленька, ангел мой, он тебе и так не откажет. Ты пококетничай с ним, я позволяю.

Юлия. Ты позволяешь, да я-то себе не позволю. (Со слезами.) А лгу, ведь, может быть, и позволю. Что не сделает женщина для любимого человека! (Подумав.) Много ли тебе нужно?

Дульчин. Я должен около пяти тысяч, а ты проси уж больше, проси шесть. Нужно заплатить за квартиру.

Юлия. За квартиру заплачено.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Дульчин. Я и не знал. Надо расчесться с извозчиком за коляску за два месяца.

Юлия. Я заплатила.

Дульчин. Ах, какая я дрянь! Зачем ты платишь за меня, зачем?

Юлия. Э, мой друг, я не жалею денег, был бы только ты счастлив.

Дульчин. Да ведь я жгу деньги, просто жгу, бросаю их без толку, без смысла.

Юлия. И жги, коли это доставляет тебе удовольствие.

Дульчин. В том-то и дело, что не доставляет никакого; а, напротив, остается после только одно раскаяние, отчаянное, каторжное, которое грызет мне душу. Одно еще только утешает, спасает меня.

Юлия. Что, скажи!

Дульчин. То, что я могу еще исправиться: потому что я не злой, не совсем испорченный человек. Другие губят и свое, и чужое состояние хладнокровно, а я сокрушаюсь, на меня нападают минуты страшной тоски. А как бы мы могли жить с тобой, если бы не мое безумие, если бы не моя преступная распущенность!

Юлия. Мы и теперь можем жить хорошо. Нет чистых денег, так у меня еще два дома, заложенных, правда, да ведь они чего-нибудь стоят; у тебя большое имение. Ты займешься хозяйством, будешь служить, я буду экономничать.

Дульчин. Да, Юленька, пора мне переменить жизнь. Это я могу, я себя пробовал, стоит только отказаться от излишней роскоши. Я могу работать: я учился всему, я на все способен. Меня только баловать не нужно, баловать не нужно, Юлия... Уж это будет твоя последняя жертва для меня, последняя.

Юлия. Я на всякие жертвы готова для тебя, мой милый, только я должна признаться, мое положение становится очень тяжело для меня. Мои родные и знакомые откуда-то проведали о тебе и начинают меня мучить своим участием и советами.

Дульчин. Что твои родные? Стоит обращать на них внимание. Их успокоить легко. Только бы мне расплатиться с этим долгом, я переменяю жизнь, и кончено. А то, поверишь ли, у меня руки и ноги трясутся, я так боюсь позора.

Юлия. Да расплатимся, расплатимся, не беспокойся!

Дульчин. Верно, Юлия?

Юлия. Верно, мой милый, верно: чего бы мне ни стоило, я через час достану тебе денег.

Дульчин. Только ты помни, что это твоя последняя жертва. Теперь для меня настанет трудовая жизнь; труд, и труд постоянный, непрерывный: я обязан примирить тебя с родными и знакомыми, обязан поправить твое состояние, это мой долг, моя святая обязанность. Успокой своих родных, пригласи их всех как-нибудь на днях, хоть в воскресенье. Я не только их не видывал, я даже по именам их не знаю, а надо же мне с ними познакомиться.

Юлия. Да, да, конечно, надо.

Дульчин. Вот мы их и удивим: явимся с тобой перед ними и объявим, что мы жених и невеста, и пригласим их через неделю на свадьбу.

Юлия. Что же значат все мои жертвы? Ты мне даришь счастье, ты мне даришь жизнь. Какое блаженство! Я никогда в жизни не была так счастлива. Я не нахожу слов благодарить тебя, милый, милый мой!

Дульчин. Юлия, ты мало себя ценишь; ты редкая женщина, я отдаю тебе только должное.

Юлия (положив руки на плечи Дульчина). Нет, я тебя не стою. Ты моя радость, моя

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
гордость! Нет и не будет женщины счастливее меня. (Прилегает к нему на грудь.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Флор Федулыч Прибытков.

Глафира Фирсовна.

Лавр Мироныч Прибытков, племянник флора Федулыча, полный красивый брюнет, с внушительной физиономией, большие банкенбарды, тщательно расчесанные, одет богато и с претензиями. Держит себя прямо, важно закидывает голову назад, но с дядей очень почтителен.

Ирина Лавровна, его дочь, девица 25 лет, с запоздалой и слишком смелой наивностью.

Юлия Павловна.

Василий, лакей Прибыткова.

Богатая гостиная, изящно меблированная, на стенах картины в массивных рамах, тяжелые драпировки и портьеры. В глубине дверь в залу, налево в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Флор Федулыч сидит в креслах с газетой в руках. Входит Василий, потом Глафира Фирсовна.

Василий. Когда прикажете кушать подавать?

Флор Федулыч. Еще рано, погоди, может быть, подъедет кто-нибудь.

Входит Глафира Фирсовна.

Видишь, вот и гости. Через четверть часа закуску, через десять минут после закуски – обед.

Василий. Слушаю-с. (Уходит.)

Глафира Фирсовна. Здравствуйте, Флор Федулыч, вовремя ль я пришла-то?

Флор Федулыч. Момент самый благоприятный – к обеду-с.

Глафира Фирсовна. Я уж и позавтракала, и обедала раза два, и полдничала.

Флор Федулыч. Это ничего-с. У нас простые люди говорят: палка на палку нехорошо, а обед на обед нужды нет.

Глафира Фирсовна. Да я и не откажусь лишний раз пообедать; беда не большая, стерпеть можно. Совсем не обедать нездорово, а по два да по три раза хоть бы каждый день бог дал.

Флор Федулыч. Покорнейше прошу садиться.

Глафира Фирсовна. Присяду, присяду, окружила-таки я нынче Москву-то.

Флор Федулыч. Я сам только сейчас вернулся.

Глафира Фирсовна. Видела я, батюшка, вас, видела, я только от Юлии Павловны, а вы к ней.

Флор Федулыч. Да-с, сегодня я ей визит сделал.

Глафира Фирсовна. И поговорили-таки с ней?

Флор Федулыч. Говорил-с; но разговор наш был без результата.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Глафира Фирсовна. А я таки допыталась кой до чего, тайности ее выведала.

Флор Федулыч. Надеюсь, что вы от меня ваших сведений не скроете.

Глафира Фирсовна. Батюшка, да что мне скрывать-то, с какой стати! Вот еще, была оказия! Что я ей, мать, что ли? Все дочиста выложу, как есть, с чего начинать-то?

Флор Федулыч. С чего угодно-с.

Глафира Фирсовна. Так вот-с, приятель у ней есть и очень близкий.

Флор Федулыч. Так и ожидать надо было.

Глафира Фирсовна. Дульчин он, Вадим Григорьич.

Флор Федулыч. Дульчин-с? Я его знаю-с, в клубе встречаюсь, с виду барин хороший.

Глафира Фирсовна. И я его знаю, года три назад он в одном знакомом доме сватался, так я у него даже на квартире бывала. А теперь захотела узнать покорооче; есть у меня одна дама знакомая, она сваха, так у нее все эти женихи на счету. Я с ней в ссоре немножко, семь лет не кланяемся, да уж так и быть, покорилась, – сейчас была у нее. Вот вести какие: жених хороший, живет богато, шику много, на большого барина хватит. «Только, говорит, если с этим женихом в хороший, степенный дом сунешься, так, пожалуй, прическу попортят, за это, говорит, ругаться нельзя, на какого отца нападешь. Другой разговаривать не любит, а прямо за шиньон».

Флор Федулыч. Аттестат не очень одобрительный-с.

Глафира Фирсовна. «Надо, говорит, узнать, на какие он деньги живет, на свои или на чужие, и что у него есть; а это, говорит, я вам скорехонько узнаю».

Флор Федулыч. Значит, надо подождать-с.

Глафира Фирсовна. Чего ждать-то? Пока он ее ограбит совсем? А жениться-то он и не думает, чай; так водит изо дня в день, пока у нее деньги есть.

Флор Федулыч. Что же мы можем предпринять.

Глафира Фирсовна. Вы не мешайте только мне, а уж я похлопочу; разобью я эту парочку.

Флор Федулыч. В таком случае большую благодарность получите.

Глафира Фирсовна. Да разве я из благодарности? Жалеючи ее делается. Конечно, я – человек бедный, вот, бог даст, зима настанет, в люди показаться не в чем.

Флор Федулыч. Шуба за мной-с, хорошая шуба.

Глафира Фирсовна. Ну уж куда мне хорошую! хоть бы какую-нибудь, только, отец родной, чтоб бархатом крыта, хоть не самым настоящим. Как его, Манчестер, что ли, называется. Чтоб хоть издали-то на бархат похоже было.

Флор Федулыч. Для вашего удовольствия все будет исполнено.

Глафира Фирсовна. Что это, я смотрю на вас, вы как будто не в духе?

Флор Федулыч. Неприятности есть-с от племянников.

Глафира Фирсовна. От кого же и ждать неприятности, как не от своих. Который же вас огорчает?

Флор Федулыч. Да все-с. Мотают, пьянствуют, только фамилию срамят. Жена умерла, детей не нажил, как подумаешь, кому состояние достанется, вот и горько станет.

Глафира Фирсовна. Женились бы, Флор Федулыч.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Флор Федулыч. Поздно, людей совестно-с.

Глафира Фирсовна. Что за совесть! Были бы свои наследники.

Флор Федулыч. Это дело такое, что разговор о нем я считаю лишним.

Глафира Фирсовна. Как угодно, батюшка Флор Федулыч, к слову пришлось. Ну, а Лавр Мироныч как поживает?

Флор Федулыч. Лавр Мироныч больше других беспокоит, потому жизнь неосновательную ведет.

Глафира Фирсовна. Ему-то бы грешно: он всем вам обязан; сколько раз вы его из ямы-то выкупали.

Флор Федулыч. На яму он мало обращает внимания-с. Пристроишь его к должности, он человек способный-с, живет год, другой хорошо и вдруг в одну минуту задолжает; когда успеет, только удивишься. И ничего его долги не беспокоят, платить он их и в помышлении не имеет. Хоть бы глазком моргнул-с. Наберет где-то с полсотни переводных французских романов и отправляется в яму равнодушно, точно в гости куда. Примется читать свои романы, читает их дни и ночи, хоть десять лет просидит – ему все равно. Ну, и выкупаешь из жалости. А выкупишь, сейчас расчешет бакенбарды, наденет шляпу набок и пошел щеголять по Москве как ни в чем не бывало.

Глафира Фирсовна. Уж какой из себя видный, точно иностранец.

Флор Федулыч. Настоящий милорд-с! Ему бы только с графом Биконсфильдом разговаривать-с. Отличные места занимал-с, поведет дело – любо-дорого смотреть, за полгода верно можно ручаться, а там заведет рысаков с пристяжными, – году не пройдет, глядишь – и в яму с романами-с. И сейчас имеет место приличное – около десяти тысяч жалованья; кажется, чего ж еще, можно концы с концами сводить.

Глафира Фирсовна. Разве нуждается; денег просит?

Флор Федулыч. Это бы ничего-с. Широко зажил; слух идет, что деньги бросает. Значит, какие-нибудь источники находит, либо должает, либо... уж кто его знает. Дело не красивое-с.

Глафира Фирсовна. По надежде на вас действует. Дочку его, внучку свою, вы благодетельствовали, ну, думает, и отцу что-нибудь перепадет.

Флор Федулыч. Да чем же я ее благодетельствовал-с?

Глафира Фирсовна. Еще бы! Триста тысяч за ней денег даете.

Флор Федулыч. И все это его сочинение-с.

Глафира Фирсовна. Что-нибудь-то дадите, ну а прилгнул, так ему простительно: всякому отцу хочется свое детище устроить.

Флор Федулыч. Да все-таки чужими-то деньгами распоряжаться, не спросясь, не следует.

Глафира Фирсовна. Уж по всей Москве гремит ваша внучка. Кто говорит, дедушка даст за ней двести тысяч, кто триста, а кто миллион. Миллион уж лучше, круглее.

Флор Федулыч. Вот изволите видеть, я-то последний про свое благодеяние узнал-с.

Глафира Фирсовна. Ну, да ведь не все и верят.

Флор Федулыч. Все-таки, значит, есть люди, которые обмануты-с.

Входит Лавр Мироныч под руку с Ириной.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Флор Федулыч, Глафира Фирсовна, Лавр Мироныч и Ирина.

Лавр Мироныч (почтительно кланяясь). Честь имею кланяться, дяденька! Мое почтение, Глафира Фирсовна! (Кивает головой и садится.)

Ирина страстно целует Флора Федулыча, приседает Глафире Фирсовне, садится в кресло и погружается в глубокую задумчивость.

Флор Федулыч. Откуда вы теперь, Лавр Мироныч?

Лавр Мироныч. Из городу домой заехал, пробежал газеты, захватил Ирень и к вам. Биржевую хронику изволили смотреть-с?

Флор Федулыч. Все то же, перемены нет-с.

Лавр Мироныч. Немножко потверже стало. Из политических новостей только одна: здоровье папы внушает опасения.

Глафира Фирсовна. Кому же это? Уж не тебе ли?

Лавр Мироныч. В Европе живем, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна. Да бог с ним, нам-то что за дело! Жив ли он, нет ли, авось за Москвой-то рекой ничего особенного от того не случится.

Лавр Мироныч. У нас дела не за одной Москвой-рекой, а и за Рейном, и за Темзой.

Флор Федулыч (Ирине). В унынье находитесь, Ирина Лавровна?

Глафира Фирсовна. Да уж и я тоже смотрю.

Ирина. Ах!... я – несчастная... я – самая несчастная... если есть на свете несчастная девушка, так это я.

Глафира Фирсовна. Что так это уж очень?

Лавр Мироныч. Моя бедная Ирень влюблена.

Флор Федулыч. Я полагаю, что это больше от чтения происходит.

Лавр Мироныч. Да, дяденька, мы с ней постоянно следим за европейской литературой; все, решительно все, сколько их есть, переводные романы выписываем.

Ирина. Только одно это утешье для меня в жизни и есть. Еще папа меньше меня читает, он делом занят, а я просто погружаюсь, погружаюсь...

Лавр Мироныч. Прежние романы лучше были; нынче уж не так интересно пишут. Вот я теперь четвертый раз Монте-Кристо читаю; как все это верно, как похоже!...

Флор Федулыч. Что там похожего-с? Я считаю так, что это только одна игра воображения.

Лавр Мироныч. Да на меня, дяденька, похоже, точно с меня писано.

Ирина. Нет, папа, на вас это еще не так похоже.

Лавр Мироныч. Это потому тебе кажется, что у меня денег нет; а чувства и поступки все мои, и если б мне досталось такое состояние...

Ирина. Нет, уж кто похож на Монте-Кристо, кто похож... так это... это один человек.

Глафира Фирсовна. Не в него ли ты и влюблена-то?

Ирина. Ах, да разве есть средства, есть какая-нибудь возможность для девушки не полюбить его? Это выше сил. Разве уж которая лед совершенный.

Глафира Фирсовна (всплеснув руками). Ах, батюшки! Вот так победитель! Откуда

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru такой проявился?

Флор Федулыч. Нам бы, кажется, Ирина Лавровна, про всякие такие диковинки знать надо; а мы что-то не слышали.

Ирина. Он, дедушка, не торговый человек.

Лавр Мироныч. В своем роде, дяденька, это феномен-с.

Глафира Фирсовна. Что такой за феномен? Я про таких людей сроду не слыхивала.

Лавр Мироныч. Это значит, Глафира Фирсовна, необыкновенное явление природы.

Глафира Фирсовна. Что же в нем необыкновенного?

Ирина. Все, все необыкновенное! Красавец собой, умен, ловок, как одет, как деньги проигрывает! Он совсем их не жалеет, бросает тысячу, две на стол, а сам шутит. Сядет ужинать, кругом него толпа, и он за всех платит; людям меньше пяти рублей на водку не дает.

Флор Федулыч. Таких-то феноменов мы достаточно видали.

Ирина. Ах, дедушка, надо его знать, чтоб понять все это очарование, а на словах не расскажешь.

Флор Федулыч. А где же вы его узнали-с?

Ирина. В саду, в клубе, там семейные вечера бывают. Я с ним очень хорошо знакома.

Флор Федулыч. Вот как-с! Интересно узнать этот феномен-с.

Лавр Мироныч. Какая цель скрывать тебе, Ирень? чего тебе бояться? Соперниц у тебя нет, он только на тебя одну и обращает внимание.

Ирина. И как богат! Какие имения, и всё в самых лучших губерниях.

Глафира Фирсовна. Что ж ты на красоту свою, что ли, очень надеешься, что такого жениха подцепить задумала?

Ирина. У всякого свой вкус: для вас ведь одна красота существует, чтоб женщина была толста да румяна; а мужчины, особенно образованные, в этом деле гораздо больше и лучше вас понимают. По-вашему, мадам Пивокурова – вот это красавица.

Глафира Фирсовна. У ней красота-то в кармане да в сундуках; эту красоту образованные мужчины тоже хорошо понимают. Смотри, как бы она у тебя жениха-то не отбила.

Ирина. Невозможно. При таком его богатстве ему ничего не надо, ему надо только любящее сердце. А деньги он за ничего считает, он даже презирает их.

Лавр Мироныч. Ну, нет, Ирень, не скажи! (Флору Федулычу.) Дяденька, прошел слух, что в случае выхода в замужество Ирень вы ее не оставите своею милостью; суммы не назначают, говорят различно, – так я слышал стороной, что он этим интересуется. Уж я, дяденька, не знаю, откуда этот слух.

Флор Федулыч. А я знаю, Лавр Мироныч.

Глафира Фирсовна. Да погодите, мы этот слух после разберем. (Делает знак Флору Федулычу, чтоб он молчал.) Коли что Флор Федулыч обещал, так он от своих слов не отпрется; я его характер знаю, портить дела вашего он не станет. Ты мне скажи, кто у вас этот богач-то?

Ирина. Ах, как вы этого не знаете, странно! Ведь он один в Москве-то, больше нету; Вадим Григорыч Дульчин.

Глафира Фирсовна. Да-да; так вот кто! Ну, чего уж еще? Вот вас теперь пара: ты богатая невеста, он богатый жених.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Ирина. Ах, не жених еще! Это еще только моя надежда, моя мечта.

Лавр Мироныч. Одно предположение с нашей стороны. Мы с Ирень между страхом и надеждой.

Глафира Фирсовна. Да что же ему не жениться на Аринушке?

Ирина. Вы думаете?

Глафира Фирсовна. Какой еще невесты? Он один в Москве, и ты тоже одна в Москве – чего еще?

Ирина. Ах, благодарю вас. Дедушка, это у вас новая картина в зале?

Флор Федулыч. Недавно купил на выставке-с.

Лавр Мироныч. Оригинал?

Флор Федулыч. Я копий не покупаю-с.

Ирина. Пойдемте, папа, надо ее посмотреть хорошенько.

Ирина и Лавр Мироныч уходят в залу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Флор Федулыч, Глафира Фирсовна.

Флор Федулыч. Слышали? Что же это такое-с? это фантасмагория какая-то!

Глафира Фирсовна. Да пушай их обманывают друг друга. Вам бы, Флор Федулыч, еще поддакнуть: точно, мол, я за внучкой ничего не пожалею. А после дали бы тысячу пять-шесть, вот и квит!

Флор Федулыч. Да оно больше и не следует-с. Дать деньги можно, но обещаний никаких-с; я в их спекуляцию не войду. Я в таких летах и в таком капитале, что свои слова на ветер бросать не могу-с.

Глафира Фирсовна. Позвольте, позвольте! Вы будете совсем в стороне; лгать буду я. А с меня что взять-то? Солгала, так солгала.

Флор Федулыч. Это уж как угодно-с; я вам лгать запретить не могу.

Глафира Фирсовна. Ведь тут дело-то хорошее, Флор Федулыч, выходит, смешное.

Флор Федулыч. Да-с; но я в это дело не войду.

Глафира Фирсовна. Подите-ка на минутку, а я с Лавром Миронычем потолкую.

Флор Федулыч. Только вы сделайте одолжение, пуще всего-с, чтоб моей репутации ущерба не было. Я ничего не знаю и ни во что не вхожу.

Глафира Фирсовна. Сама людей учу, чего меня учить-то.

Флор Федулыч. Я, во всяком случае, в стороне-с. (Уходит в залу.)

Глафира Фирсовна (у двери в залу). Лавр Мироныч! Лавр Мироныч! Да ну-ка ты, финомен, поди сюда!

Входит Лавр Мироныч.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Глафира Фирсовна, Лавр Мироныч.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Лавр Мироныч. Что вам угодно-с?

Глафира Фирсовна. Как же тебе не стыдно так огорчать флора Федулыча!

Лавр Мироныч. Про какое огорчение изволите говорить?

Глафира Фирсовна. Да как же! Распустили молву, а у него в помышлении не было.

Лавр Мироныч. И в помышлении не было! Невозможно-с. Мысли у дяденьки благородные, притом же единственная родная внучка.

Глафира Фирсовна. «Я, говорит, и не думал; с чего они взяли! Разве можно, говорит, моим таким знаменитым именем людей обманывать?»

Лавр Мироныч. Да-с; значит, с нашей стороны роковая ошибка. Но рассудите, без денег женихов не найдешь, приманка нужна.

Глафира Фирсовна. Вот тебе и приманка! Что призадумался?

Лавр Мироныч. Задумаешься-с. Если это правда, так дело плохо, очень плохо – я на снисхождение дяденьки очень рассчитывал. Мне оно нужно, а то беда-с.

Глафира Фирсовна. Знаешь, за что он больше сердится? Только это секрет.

Лавр Мироныч. Уж сделайте одолжение, доверьте! Мне необходимо знать дяденькины мысли.

Глафира Фирсовна. Ну, вот слушай! У него на уме было Аринушке сюрприз сделать.

Лавр Мироныч. Сюрприз-с?

Глафира Фирсовна. Да; приехал бы в девишник да выложил бы перед женихом бумажник, – вот, дескать, вам.

Лавр Мироныч (с любопытством). А неизвестно сколько-с?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Лавр Мироныч (отшатнувшись). Невообразимо-с! Хоть бы половину, да и то невероятно.

Глафира Фирсовна. Ну, уж я не знаю; а только по его чувствам видно было, что около того. Какова штука? Красиво?

Лавр Мироныч (со вздохом). Эффект удивительный!

Глафира Фирсовна. Заговорили б в Москве-то.

Лавр Мироныч (ударив себя в лоб). Поразительный эффект, Глафира Фирсовна!

Глафира Фирсовна. А теперь дело испорчено: разгласили, сюрприз-то и не выдет. Вот старику-то и обидно, что ему Москву-то удивить помешали.

Лавр Мироныч. Как это дело поправить-с?

Глафира Фирсовна. Да ведь ты важен больно. Покорись мне, поправлю.

Лавр Мироныч. При всей важности в ноги поклониться готов. Ведь это роман, помилуйте! В жизни вдруг роман!

Глафира Фирсовна. Ну, так ладно, выручу. Пойдем, за закуской потолкуем. Вон флор Федулыч-то сюда идет.

Глафира Фирсовна и Лавр Мироныч уходят; входят флор Федулыч и Василий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Флор Федулыч, Василий, потом Юлия Павловна.

Василий. Они желают вас одних видеть.

Флор Федулыч. Проси, проси сюда.

Василий уходит.

Скоренько вздумала визит отдать, скоренько.

Входят Юлия Павловна и Василий.

Василий. Сюда пожалуйста-с!

Флор Федулыч. Милости просим! И прямо к обеду-с.

Юлия. Я обедала. Я вам не помешаю, я на несколько минут, а впрочем, я могу и подождать.

Флор Федулыч. Как можно, помилуйте-с! Пообедать мы еще успеем, не к спеху дело. (Василью.) Ступай! затвори двери!

Василий уходит.

К вашим услугам. Покорнейше прошу. (Указывает кресло.)

Юлия. Скажите, скоро можно продать дом?

Флор Федулыч. Коли есть покупатель да документы в порядке, так недели в две, в три, а то и месяц пройдет.

Юлия. Как это долго, а мне бы поскорей хотелось отделаться от этого имения.

Флор Федулыч. Извольте, я займусь этим делом, поспешу.

Юлия. А не купите ли вы сами у меня, сейчас, в два слова? Я с вас недорого возьму.

Флор Федулыч. Нет, я не куплю-с, мне расчёту нет-с. Я вам покупателя за настоящую цену найду.

Юлия. Я вам дешево, очень дешево продам.

Флор Федулыч. Ни себе дешево купить у вас, ни вам дешево продать я не дозволю-с. Зачем дешево продавать то, что дорого стоит? Это плохая коммерция-с.

Юлия. Но если я желаю дешево продать? Это мое имение, мне запретить нельзя.

Флор Федулыч. Совершенно справедливо-с. Только вы извольте обращаться к другому покупателю, а не ко мне-с. Кушать не угодно ли? Пожалуйста! Хоть посидите с нами для компании.

Юлия. Благодарю вас. (Помолчав.) Флор Федулыч!

Флор Федулыч. Что прикажете?

Юлия. Вы давеча приезжали занять денег у меня?

Флор Федулыч. Так точно-с.

Юлия. Теперь я приехала к вам занять денег.

Флор Федулыч. Напрасно беспокоились; я займы не даю-с.

Юлия. Но я вам большие проценты заплачу.

Флор Федулыч. Обидно слышать-с. Если вы желаете большие проценты платить, так извольте обратиться к ростовщикам.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Юлия. Я их не знаю. Где они? Кто они?

Флор Федулыч. И не дай бог знать-с. И я не знаю-с.

Юлия. Флор Федулыч, мне нужны деньги.

Флор Федулыч. Не верю, извините, не может быть-с. На что вам деньги, вы не торгуете. Что вам нужно-с? Богатый гардероб, экипажи, ну, птичьего молока-с? Извольте, я все достану, а денег не дам-с.

Юлия. Флор Федулыч, вы меня обижаете. Я не милости пришла просить у вас. Я сама имею большие средства, я прошу вас только одолжить меня на короткое время. Через месяц или два я вам возвращу с благодарностью. Это пустяки, это такое одолжение, в котором никогда не отказывают знакомым людям. И если вы хоть сколько-нибудь расположены ко мне...

Флор Федулыч (холодно). Душевно бы рад-с; денег нет, нуждаюсь, занимаю сам. Смею вас заверить!

Юлия. Я вас не узнаю. Молодая, хорошенькая женщина просит у вас денег, а вы отказываете! Да вы с ума сошли! Дайте мне денег, я вам приказываю!

Флор Федулыч. Ха, ха, ха! Шутите! Не строго приказываете. Уж коли приказывать, так надо построже, а коли просить, так надо поучтивее.

Юлия. Флор Федулыч, милый, ведь я ни к кому другому не обратилась, а прямо к вам, цените это.

Флор Федулыч. Ценю-с, очень ценю.

Юлия. Ведь расположение женщины только услугами можно приобрести.

Флор Федулыч. Да-с, это правда.

Юлия. Женщины капризны; чтоб исполнить свой каприз, они готовы на все.

Флор Федулыч. Да-с, это точно-с.

Юлия (подходит к Флору Федулычу). Женщины переменчивы, Флор Федулыч; я давеча отказалась от ваших услуг, а теперь, видите, на них напрашиваюсь. Я обдумалась, милый Флор Федулыч, я заметила в вас такую нежность ко мне... Ведь вы меня любите и желаете мне добра?

Флор Федулыч. Всей душой желаю добра-с, оттого и денег не даю.

Юлия (садится на ручку кресла, на котором сидит Флор Федулыч). Ну, голубчик, Флор Федулыч! (Обнимает его). Ну, милый мой!

Флор Федулыч (освободясь). Извините-с. Извольте садиться на место, Юлия Павловна! Мы и в этаких позициях дам видали, только уж это другой сорт-с; а вам нехорошо. Извольте садиться на кресло, я желаю быть к вам со всем уважением.

Юлия (сажаясь на кресло). Вы даже в мою искренность не верите.

Флор Федулыч. Не верю и в дураках быть не хочу-с. Ведь после вы посмеетесь надо мной, скажете: на какую пустую штуку поддела старика. Да посмеетесь-то не одни.

Юлия. Бог с вами!

Флор Федулыч. Скажите, зачем вам деньги, скажите всю правду!

Юлия. Обманывать я вас не хочу, а и правды сказать не могу.

Флор Федулыч. В таком случае кончимте этот разговор. Если кушать вам не угодно, так кофею не угодно ли или фруктов? Я прикажу сейчас подать.

Юлия. Ах, ничего мне не надо. Но поймите вы, что я без этих денег не могу

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
возвратиться домой.

Флор Федулыч. Деньги эти не вам и не на дело-с: они будут брошены.

Юлия. Что вам до того, кому они нужны? Прошу я, уж мое дело, куда я их дену.

Флор Федулыч. Нет, не так рассуждать изволите. Прежде чем просить, вы мне дайте отчет-с, – куда вы дели те деньги, которые вам муж оставил?

Юлия. Как! вы требуете от меня отчета?

Флор Федулыч. Да-с. Да не нужно, я и без вас знаю, куда деньги делись, это история простая. Любовник, долго нейдет, день, другой не кажется, ну, сейчас посла за ним: «Возьми что хочешь, только приходи! Мало тысячи, возьми две!» Отчего же ему и не взять-с? Потом двух мало, бери пять либо десять. Вот куда идут наши деньги-с!

Юлия (закрываясь руками). Ах, флор Федулыч!

Флор Федулыч. А разве затем мужья женам капиталы-то оставляют? Нет-с, они знают, что женщине добыть негде, а жить ей барыней, сложа руки, нужно. Муж копит да бережет для жены, его-то скупым да скаредом прозовут, а любовника после добрым барином величать будут. На наши деньги они себе добрую славу и заслуживают. Положим, слава неважная, – больше промежду извозчиками да трактирными служителями, так им и то дорого, и то в честь. Муж-то почему бережет деньги? Потому что он историю каждого рубля знает, как он ему достался; а любовнику-то что ж не бросать деньги! Он, не считая, полной горстью их в карман кладет, не считая и бросает. Так что ж за напасть? Уж лучше прокутить самому, пусть меня добрым барином зовут, а не любовника моей жены.

Юлия. Может быть, все это правда, но...

Флор Федулыч. Но оставим этот разговор, он ни к чему не поведет. Вам сегодня куда за город не угодно ли-с?

Юлия. Могу ли я?

Флор Федулыч. Нет, отчего же-с? Погода благоприятная... Кадуджу послушать.

Юлия. До того ли мне, флор Федулыч?

Флор Федулыч. Любопытно-с. Она креолка-с; эти женщины совсем особенные-с. Тоже была вот как-то не надолго здесь одна итальянка в этом роде, немало удивления производила-с фигурой своей. И больше всех певиц бриллиантов имела от разных особ за границей.

Юлия. Не мучьте вы меня. Спасите, флор Федулыч, умоляю вас!

Флор Федулыч. Не могу-с; у меня деньги дельные и на дело должны идти. Тут, может быть, каждая копейка оплакана, прежде чем она попала в мой сундук, так я их ценю-с. А ваш любовник бросит их в трактире со свистом, с хохотом, с хвастовством. У меня все деньги рассчитаны, всякому рублю свое место; излишек я бедным отдаю; а на мотовство да на пьянство разным аферистам у меня такой статьи расхода в моих книгах нет-с.

Юлия. От этих денег зависит все мое счастье.

Флор Федулыч. Не верю-с.

Юлия. Это уж последняя жертва, последняя, которую я для него делаю.

Флор Федулыч. Не верю-с. Эти деньги завтра же или даже нынче будут проиграны, и другие понадобятся.

Юлия. Через неделю наша свадьба, а если я этих денег не достану...

Флор Федулыч. Никакой свадьбы... Ничему я не верю-с...

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Юлия (сложив руки). Флор Федулыч, Флор Федулыч, умоляю вас!

Флор Федулыч. Не могу-с.

Юлия (падая на колени). Флор Федулыч, от вас зависит счастье всей моей жизни. Не погубите меня!...

Флор Федулыч (хочет поднять ее). Что вы, что вы, помилуйте!

Юлия. Нет, я не встану. Если вы дадите денег, я буду благословлять вас, как благодетеля, как отца. Если вы откажете, вы будете причиной моей гибели, я прокляну вас... вы будете моим злодеем!...

Флор Федулыч. Нет, нет-с!... Замолчите, прошу вас!... Я не допущу, чтоб вы считали меня злодеем-с. (Поднимает Юлию.) Много ли вам нужно-с?

Юлия. Шесть тысяч...

Флор Федулыч. Шесть тысяч-с? И из такой малости вы себя унижаете?... Вы, богатая, добрая, милая дама, боже мой!

Юлия. Для мужа можно на все решиться.

Флор Федулыч. Все-таки даме-то, которая в уважении... Нет, это грустно-с!

Юлия. Моего стыда никто, кроме вас, не знает и, надеюсь, не узнает; вы меня пощадите.

Флор Федулыч. Это будьте без сомнения, только все-таки-с... Теперь у меня к вам просьба: я вам поверю эти деньги на слово, но вы возьмите документ непременно-с, так не отдавайте!... Это мое условие!

Юлия. Хорошо, я возьму!...

Флор Федулыч уходит в кабинет.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Юлия (одна). Думала я, что это будет скверно, а такого стыда не ожидала. В другой раз просить денег не пойдешь, хоть кому отобьет охоту. Гадко, стыдно... Как неловко, когда чувствуешь, что на лице пятна от стыда выступают... (Прикладывает руки к лицу.) стараешься сдержаться, а они еще больше разгораются... Уж вынес бы он деньги поскорей, взять их да домой.

Входит Флор Федулыч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Юлия Павловна, Флор Федулыч.

Флор Федулыч. Вот, извольте-с. (Подает деньги.)

Юлия (берет дрожащими руками деньги и торопливо прячет). Ах, благодарю вас, благодарю!... (Крепко обнимает и целует Флора Федулыча.)

Флор Федулыч. Этот поцелуй, Юлия Павловна, дорогого стоит. Да-с, это от души... дорогого стоит.

Юлия. Вы мне возвратили жизнь, вы мне подарили счастье!...

Флор Федулыч. Дорогого стоит ваш поцелуй-с.

Юлия. При первой возможности я вам с благодарностью, с величайшей благодарностью... и еще такой же поцелуй... Прощайте, мой милый, добрый Флор Федулыч.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Флор Федулыч. Я до сих пор опомниться не могу. Я к вам завтра-с.

Юлия (отворяя дверь в залу). Милости просим... Ах, не провожайте меня... Вон идут ваши гости! Прощайте. (Идет в залу и уходит.)

Флор Федулыч (следуя за ней). Дорогого стоит-с.

Входят Глафира Фирсовна, Лавр Мироныч и Ирина.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Флор Федулыч, Лавр Мироныч, Глафира Фирсовна, Ирина, потом Василий.

Глафира Фирсовна. Уж улетела пава-то?

Флор Федулыч. Уехали-с... Побеседовали и уехали; просил обедать – отказались, они уж кушали. Ирина Лавровна, вы имеете желание понравиться господину Дульчину?

Ирина. Как не желать, когда я им брежу и во сне и наяву. Это мой идол, я ему поклоняюсь.

Флор Федулыч. Я одобряю ваш выбор-с.

Ирина. Но, бабушка, одного желанья мало...

Флор Федулыч. Справедливо-с... Для таких кавалеров – первое дело: нужно одеваться по самой последней моде, чтоб против журнала никакой отлички не было...

Ирина. Я стараюсь, но...

Флор Федулыч. Но не имеете средств?... Мы это препятствие устраним; моя обязанность, как близкого родственника, помочь вам. (Достает деньги.) Позвольте предложить вам на этот предмет пятьсот рублей. Понадобится еще, скажите только, – отказу не будет.

Ирина. Бабушка, вы так добры, что даже сверх ожиданий!... (Бросается Флору Федулычу на шею.)

Глафира Фирсовна (толкает локтем Лавра Мироныча). Понял?

Лавр Мироныч. Да-с, теперь я свою роль понимаю и разыграть ее сумею...

Василий (входит). Кушать готово-с.

Флор Федулыч (освободясь от Ирины. Про себя). Не то, разница большая... тот... тот дорогого стоит.

Ирина. Что вы, бабушка, изволите говорить?

Флор Федулыч. Ничего-с. Это у меня свои мысли. Кушать пожалуйста-с!

Глафира Фирсовна, Лавр Мироныч и Ирина идут к дверям.

Разница большая... тот поцелуй дорогого стоит!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ ЛИЦА:

Дульчин.

Дергачев.

Лавр Мироныч.

Ирина.

Глафира Фирсовна.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Флор Федулыч.

Салай Салтаных, очень приличный мужчина, неопределенных лет, физиономия азиатская.

Пивокурова, богатая, очень полная и очень румяная вдова, лет за сорок.

Иногородный, купец средней руки, костюм и манеры провинциальные.

Москвич, скромный посетитель клуба, ничем не выдающаяся личность.

Наблюдатель, шершавый господин, лицо умное, оригинал, но с достоинством.

Разносчик вестей, бойкий господин, имеющий вид чего-то полинявшего; глаза бегают, и весь постоянно в движении.

Три приятеля, постоянные посетители клуба, играющие очень счастливо во все игры: 1-й – безукоризненно красивый и изящный юноша, 2-й – человек средних лет, мясистая, бледная, геморроидальная физиономия, 3-й – старик, лысый, в порывшем пальто, грязноватый.

Сакердон; Сергей, клубские лакеи

Пестрая толпа кавалеров и дам в разнообразнейших костюмах, от полумещанских провинциальных до парижских последней моды.

Клубная прислуга.

Августовская ясная ночь. Площадка клубного сада; по обе стороны дерева, подле них ряд столбов, наверху которых группы из освещенных фонарей; между столбами протянута проволока с висящими шарообразными белыми фонарями; подле столбов, по обе стороны, садовые скамейки и стулья; в глубине эстрада для музыки; в левом углу сцены видны из-за деревьев несколько ступеней с перилами, что должно означать вход в здание клуба. Полное освещение.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

При поднятии занавеса издали слышен туш кадрили; разнообразная толпа поднимается по лестнице в здание клуба. На авансцене с правой стороны сидит, развалившись на скамье, наблюдатель, против него на левой стороне сидит москвич. Иногородный стоит посреди сцены в недоумении. Несколько публики, в небольших группах, остается на сцене; между ними бегают разносчик вестей.

Разносчик вестей (подходя к первой группе). Слышали новость?

Один из группы. Какую?

Разносчик вестей. Богатая невеста проявилась.

Один из группы. Слышали, слышали.

Вся группа уходит в здание клуба.

Разносчик вестей (подходя ко второй группе). Богатая невеста проявилась, господа...

Голос из второй группы. И слышали, и видеть имели счастье.

Вторая группа уходит в клуб.

Разносчик вестей (подходя к третьей группе). Слышали?

Голос из третьей группы. Слышали, слышали.

Разносчик вестей. Да ведь пятьсот тысяч, господа.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Голос из третьей группы. Знаем, знаем.

Третья группа уходит в клуб.

Разносчик вестей (подходя к наблюдателю). Слышали, Флор Федулыч дает за внучкой пятьсот тысяч!

Наблюдатель. То есть обещает, да и то едва ли правда.

Разносчик вестей. Нет, дает.

Наблюдатель. Не верю.

Разносчик вестей. Почему же?

Наблюдатель. Время не такое.

Разносчик вестей. Какое же время?

Наблюдатель. А такое, в которое обещать пятьсот тысяч еще можно, а уж давать нельзя.

Разносчик вестей. Вы ничему не верите и всегда спорите. А я верно знаю.
(Убегает.)

Иногородный (осматривается, потом подходит к москвичу). Музыка в саду отошла-с?

Москвич. Отошла-с.

Иногородный. Что же теперь... куда мне-с?

Москвич. Да куда хотите: танцевать, в карты играть, ужинать.

Иногородный. Нет, извините, это я так только хотел спроситься; здешних обыкновения не знаем, потому – мы приезжие. А я так полагаю: теперь, по-нашему, самое настоящее время выпить.

Москвич. Это как вам угодно; коли жажду чувствуете, так выпейте.

Иногородный. Все это справедливо; но позвольте-с! Жажда жаждой, а еще вот какой резон: мы зачем в Москву ездим-с? Затем собственно, чтоб деньги прожить-с. Так я боюсь, что мало доходу клубу доставлю. Вот почему пьешь, собственно из боязни. Только без компании не повадно-с.

Москвич. Так поищите компанию.

Иногородный. А ежели вы-с?

Москвич. Не знаю, как вам сказать.

Иногородный. Подумайте, дело серьезное-с.

Москвич (вставая). Пожалуй! меня уговорить нетрудно.

Иногородный. В буфет направимся, прямо к источнику-с?

Москвич. Да, на половинных издержках.

Иногородный. Что за складчина-с! Раскутиться не раскучусь, а и платить вам не позволю, за стыд себе поставлю. (Обращаясь к наблюдателю). Не угодно ли за компанию?

Наблюдатель. Я не пью.

Иногородный. Может, в карты любите?

Наблюдатель. И в карты не люблю.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Иногородный. Так ведь это одурь возьмет так-то сидеть.

Наблюдатель. На людей смотрю.

Иногородный. На нас, провинциалов, а после нас в газете опубликуете?

Наблюдатель. Бог миловал, я этим не занимаюсь.

Иногородный. Все-таки с вами опасно. (Москвичу.) Побежимте поскорей от греха в буфет-с.

Москвич с иногородным уходят в клуб. С лестницы сходит Дульчин и, пройдя несколько шагов, останавливается в раздумье; из-за деревьев выходит Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Дергачев.

Дергачев (издали). А, вот ты наконец.

Дульчин (сжав кулаки, с дрожью в голосе). Этакое идиотское счастье!

Дергачев. Я давно тебя дожидаюсь. (Тихо.) Нет ли у тебя рубля серебром?

Дульчин (не слушая). Это ужасно!...

Дергачев. Да что такое?

Дульчин. Сейчас в пикет играл с одним уродом. Вот тут и рассчитывай на уменьье! Нет, уж как не везет...

Дергачев. Что такое еще с тобой случилось?...

Дульчин. А то же, что получил я нынче шесть тысяч рублей...

Дергачев. Шесть тысяч?...

Дульчин. Что тут удивительного? Что ты рот-то разинул! Велики для меня деньги шесть тысяч!

Дергачев. Нет, я так... Конечно, что за деньги!... (Тихо.) Нет ли у тебя рубля серебром?

Дульчин (не слушая). И повез их к Салаю Салтанычу, должен я ему и, как на грех, не застал его дома. Воротился домой, а тут у меня приятели сидят, банк мечут, золото по столу рассыпано... «Пристань да пристань!» И не хотел, клянусь тебе, не хотел. Дернуло как-то поставить карточку, одну, другую... и просадил около трех тысяч... А надо долг платить, завтра срок; хоть в петлю полезай! Достань мне денег!

Дергачев. Где же я тебе достану? Я бы рад радостью, да негде. Вон Салай Салтаныч идет. Послушай, дай мне, пожалуйста, рубль серебром.

Дульчин (достает портмоне). Хорошо, дам.

Дергачев. Я тебя здесь подожду. Коли что нужно, ты так и знай: я буду здесь. Только не играй в карты, сделай милость! Когда ты играешь, у меня всегда волнение.

Дульчин. На. Убирайся ты с своим волнением! Надоел!

Дергачев уходит вглубь. Из-за деревьев выходит Салай Салтаныч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Наблюдатель, Дульчин, Салай Салтаныч.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Дульчин. Где тебя черт носит?

Салай Салтаныч (с неудовольствием). Что я тебе? Здесь я!

Дульчин. Вижу, что здесь. Давеча где был? Я заезжал к тебе.

Салай Салтаныч. Что тебе? Зачем я тебе?

Дульчин. Я тебе деньги привозил, заплатить хотел.

Салай Салтаныч. Зачем торопиться?... Не надо торопиться! Завтра получу.

Дульчин. Да, получишь, как же! Держи карман-то!... Было бы что получить-то...

Салай Салтаныч. А мне что? У меня документ... не заплатишь, заставят заплатить.

Дульчин. Послушай, Салай Салтаныч, да неужели подождать не можешь?

Салай Салтаныч. Чего ждать? Себе деньги нужно. Вам давай, вам жди, а сам занимай! Теперь всем нужно, хорошие люди, верные просят.

Дульчин. Подожди хоть месяц!

Салай Салтаныч. Зачем пустяки говорить?... Теперь нет, а через месяц где возьмешь?

Дульчин. Юлия Павловна заплатит.

Салай Салтаныч. Шути, шути! Был ей кредит, последний дом заложила, какой кредит!

Дульчин. Да у нее еще много осталось.

Салай Салтаныч. Осталось... заплати сейчас; а ждать месяц, ничего не будет, всё промотаешь.

Дульчин. Ну, делай, как знаешь... Провались ты! Ты меня ограбил, а не хочешь никакого одолжения сделать.

Салай Салтаныч. Люди берут деньги, спасибо скажут; а тебе давай – ты бранишь. А что ты был? Я тебе жизнь давал, человеком сделал. Кабы умен был, баринот жил – и тебе хорошо, и мне хорошо. Кто виноват? Сама себя бьет, кто не чисто жнет.

Дульчин. А вот я застрелюсь завтра, вот ты и знай.

Салай Салтаныч. А мне что – стреляй! Была не была, – все одно. Мне что жалеть! Ты не будешь, другой будет, все равно!

Дульчин. Вот я лучше тебя: ты меня не жалеешь, а я тебя жалею, и люблю, и докажу это.

Салай Салтаныч. Что говоришь, чем докажешь?

Дульчин. А вот, бог даст, ты будешь в остроге сидеть, я тебя навещу и калачик подам.

Салай Салтаныч. Спасибо, спасибо! Я тебя прежде навещу, пять копеек калач принесу.

Дульчин. А ты слышал, говорят, Прибытков за внучкой пятьсот тысяч дает?

Салай Салтаныч. Слышал, говорят... Кто говорит? какой народ! кому верить?... Дедушка здесь, я спрошу. Он скажет – верить можно, купец обстоятельный. Я пойду его искать, ужинать с ним надо.

Дульчин отходит в глубину, к лестнице.

Наблюдатель. Салай Салтаныч!

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Салай Салтаныч. А, здравствуй! Что тебе?

Наблюдатель. Ты не беспокойся, ты с Дульчина деньги получишь.

Салай Салтаныч. Почему знаешь?

Наблюдатель. Получишь. Только не оттуда, откуда думаешь.

Салай Салтаныч. Тебе поверю, ты все знаешь.

Наблюдатель. Наверно получишь, будь покоен.

Салай Салтаныч. Хорошо, будем ждать (Уходит.)

Из глубины выходят Глафира Фирсовна и Пивокурова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Глафира Фирсовна и Пивокурова.

Глафира Фирсовна (Дульчину). А, сокол ясный! Сто лет не видались.

Дульчин. Меньше, Глафира Фирсовна.

Пивокурова. Ах, какой мужчина! (Закрывается веером и смеется.)

Дульчин, что это за дама с вами?

Глафира Фирсовна. А это Пивокурова, богатая вдова, добрейшей души женщина.

Дульчин. Чему же она смеется?

Глафира Фирсовна. Как тебе сказать, чтоб не солгать? Она, видишь ли, к вечеру в кураже бывает, вот ей и весело. А осуждать ее за это нельзя! Сам посуди: вдова, скучает; да и кто же без греха?... Жениха теперь ищет, больно соскучилась... Вот невеста золотая.

Пивокурова. Ах, какой мужчина! (Закрывается веером).

Дульчин. Золотая-то здесь другая, а не эта.

Глафира Фирсовна. Какая же?

Дульчин. Прибыткова.

Глафира Фирсовна. Та-та-та! Высоко, брат, высоко, не достанешь. Ты руби дерево-то, чтоб под силу было. Та княжеская невеста.

Дульчин. Да я об ней и не думаю.

Глафира Фирсовна. Как, чай, не думать! Ведь за ней флор федулыч миллион дает.

Дульчин. Много меньше, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна. Кому ты говоришь? Она мне племянница, так мне вернее знать. Не хочешь ли с нами?

Дульчин. Да вы куда?

Глафира Фирсовна. Ужинать хотим, давно позывает, так все в одно место слетаемся, под березками. Нас компания будет большая.

Дульчин. Пожалуй, я провожу вас.

Глафира Фирсовна (Пивокуровой). Пава, пойдем.

Пивокурова (взглянув на Дульчина). Ах красота! (Закрывается веером).

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Дульчин, Глафира Фирсовна, Пивокурова уходят под деревья налево. Из клуба выходит публика и остается в глубине площадки. На сцену выходят разносчик вестей, иногородный и москвич.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Наблюдатель, разносчик вестей, иногородный, публика, прислуга, москвич.

Разносчик вестей (наблюдателю). Еще невеста, слышали?

Наблюдатель. Мало ль их здесь!

Разносчик вестей. Я знаю, что много, да о тех не стоит говорить; а эта с большими достоинствами.

Наблюдатель. Пивокурова, что ли?

Разносчик вестей. Да, вдова Пивокурова с большим капиталом.

Наблюдатель. Повадилась по клубам да по гуляньям, так отберут капиталы-то.

Иногородный. Как отберут-с?

Наблюдатель. Так и отберут, как отбирают: руками. Вы науку «политическую экономию» знаете?

Иногородный. Домашнюю экономию знаем и понимаем-с, а о политической у нас в провинции не слышать-с.

Наблюдатель. Эта наука требует, чтоб залежи не было, чтобы капиталы не залеживались без обращения. Значит, нельзя допустить, чтоб вдова какая-нибудь, получивши после мужа деньги, села на них, как наседка на яйцах. Надо их на волю пустить, в обращение.

Иногородный. Наука хорошая-с.

Наблюдатель. Хорошая; у нас в Москве ее твердо знают.

Москвич. Смирней надо сидеть с деньгами-то; так целей будут.

Наблюдатель. И смиренство не поможет.

Разносчик вестей. Недавно и смиренницу одну обобрали.

Иногородный. Это как же?

Наблюдатель. Подпуском, как на Волге рыбу ловят.

Разносчик вестей. Сыскали молодого человека, красивенького, скопировали его, дали тысячи три-четыре; а он за это в благодарность выдал векселей на пятьдесят тысяч. Посадили его в коляску и подпустили в виде жениха, богатого помещика.

Иногородный. И что же-с?

Наблюдатель. Месяца через два она и заплатила за него все деньги по векселям-то.

Иногородный. Расчет тонкий, без ума такого дела не сделаешь.

Разносчик вестей. Ведь это только догадки, а я слышал, что у него у самого большое состояние.

Наблюдатель. Надо у Салая Салтаньча спросить, какое у него состояние.

Разносчик вестей. Да Салай-то и говорит.

Наблюдатель. Ну, значит, кого-нибудь еще ограбить собираются.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Иногородный. Я вот здесь только в первый раз, и только какое это заведение бесподобное-с.

Москвич. Чего лучше!

Иногородный (с чувством). Водка, возьмите!

Москвич. Где ж ей и быть?

Иногородный (с пафосом). В мире нет-с!

Москвич. Да, на то Москва.

Иногородный. Опять моды, боже мой!

Москвич. Моды парижские.

Иногородный. Извольте видеть – шутка! Теперь, пожалуйста, скажите, дамы, барышни какие!

Москвич. Ну, это вам так с дороги показалось. Разве чем другим, а этим похвастаться не можем.

Иногородный. Нет, напрасно. Сейчас вот эта самая вдова Пивокурова – страсть! Вся как жар горит; одно слово – пышность. Может, по московскому вкусу оно не придется.

Москвич. Ничего, ничего, у нас не побрезгуют.

Наблюдатель. А знаете, кто женится на Пивокуровой?

Разносчик вестей. Как узнаешь? Она и сама-то не знает. Мечется как угорелая.

Наблюдатель. Дульчин.

Разносчик вестей. Ничего нет похожего; невозможно, у него совсем другие планы.

Наблюдатель. А вот посмотрим!

Разносчик вестей. Ни под каким видом.

За сценой туш, публика и разносчик вестей уходят в клуб.

Иногородный (москвичу.) Не пройтись ли и нам?

Москвич. Опять к источнику?

Иногородный. Уж что ж от него уклоняться? Тепло, покойно, учтивость необыкновенная. Потому и тянет, что я учтивость люблю. Как бы не было учтивости, меня туда калачом не заманишь.

Москвич. Пожалуй, пойдете.

Иногородный (наблюдателю). Вам не угодно-с?

Наблюдатель. Не угодно.

Иногородный. А мы пойдем-с.

Наблюдатель. Сделайте одолжение.

Иногородный. Нет, позвольте! Вы не подумайте. Время к ночи, надо против сырости какие-нибудь меры принять аль нет-с? Вот какое дело, а не то что-с!...

Иногородный и москвич уходят в клуб.

С левой стороны выходят Лавр Мироныч, Дульчин, Глафира Фирсовна, Ирина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Наблюдатель, Лавр Мироныч, Глафира Фирсовна, Дульчин, Ирина и прислуга: Сакердон и Сергей, потом Салай Салтаных.

Лавр Мироныч (манит лакея). Эй ты, фрачок! Фалдочки! Какую прислугу держат: факельщики какие-то вместо официантов. Эй, любезный, оглянись.

Дульчин под руку с Ириной гуляют в глубине сцены. Глафира Фирсовна поодаль. Шевелись, братец!

Сакердон (подходя). Что угодно-с?

Лавр Мироныч. Звезды считаешь, любезный? Не трудись, сосчитаны. Как зовут тебя?

Сакердон. Сакердон-с.

Лавр Мироныч. Как, как?

Сакердон. Сакердон-с.

Лавр Мироныч. Ну, ступай с богом!

Сакердон. Помилуйте, за что же? Я могу-с...

Лавр Мироныч. Коли я теперь, трезвый, твое имя не скоро выговорю, как же я с тобой после ужина буду разговаривать?... Мы с дамами ужинаем, любезный. Что мне за неволя язык-то коверкать да конфузиться? Я приехал сюда, чтоб в удовольствии время прожить. Ступай, ступай! (Машет другому служителю.) Эй, милый!...

Сергей (подходит). Что прикажете?

Лавр Мироныч. Как дразнят-то тебя?

Сергей. Сергеем-с.

Лавр Мироныч. Ну, так вот что, Сережа, служи!

Сергей. Будем стараться-с.

Лавр Мироныч. Ты прежде пойми нас!

Сергей. Кажется, могу-с... Не в первый раз, служили господам-с.

Лавр Мироныч. Вон там под березками закуску сформируй!

Сергей. Слушаю-с. (Вынимает книжку и карандаш.)

Лавр Мироныч. Пиши! Водка всех сортов, высих только, зернистая икра.

Сергей. На сколько персон прикажете?

Лавр Мироныч. Не перебивай! Твое дело слушать. А еще похвалился, что господам служил.

Сергей. Виноват-с.

Лавр Мироныч. Честер. Селедок не надо, сардинок тоже. Анчоусы есть?

Сергей. Спрошу-с.

Лавр Мироныч. Оливки фаршированные, омар в соку... Ну, ты понял теперь, что нам нужно; так уж сам подумай, не все тебе сказывать.

Сергей. Слушаю-с.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru

Лавр Мироныч. Да вот еще: головку подай пороссячью! Мы мозжечок вынем, язычка покрошим помельче, тронем перцем, да маленькие тартинки и намажем.

Сергей. Закуска высокая-с.

Лавр Мироныч. В рассуждения не вступай! Господам служил!... Либо господа у тебя плохи были, либо господа-то хорошие, да ты-то плох был.

Сергей. Виноват-с.

Лавр Мироныч. Да закажи ужин заранее, чтоб не дожидаться, чтоб шло как по маслу, без антрактов. Дай карту!

Сергей подает. Лавр Мироныч рассматривает карту.

Ирина. Папа занимается ужином, как серьезным делом. Как это смешно.

Дульчин. А для вас ужин не серьезное дело?

Ирина. Нет, я живу только поэзией, самой высокой поэзией. Что такое ужин? Проза. Вот луна, звезды!

Дульчин. Да что в них хорошего? Газ лучше, светлее.

Ирина. Ах, нет! Особенно когда подле тебя человек, который...

Дульчин. Который что?

Ирина. Не хочу отвечать. Что вы меня экзаменуете?...

Отходят вглубь.

Лавр Мироныч (Сергею). Пиши! Бёф а-ля мод с трюфелями, стерляди паровые, вальдшнепы жареные в кастрюлях... да чтоб ворчали, когда подаешь...

Сергей. Понимаю-с.

Лавр Мироныч. Все это персон на двенадцать. Скажи поварам, что кушать будет флор федулыч, а платить Лавр Мироныч; нас знают. Да чтоб после ужина приходили, получают пять рублей на водку.

Сергей. Слушаю-с.

Лавр Мироныч. Вместо пирожного виноград и фрукты в вазах; персики чтоб спелые были. Зеленый персик та же репа. Да поставь два ананаса... с зеленью. Для декорации!

Сергей. Слушаю-с.

Лавр Мироныч. Теперь вина: к говядине лафит, самый высший, дамам особенно подать послаще чего-нибудь... Икем, тоже высший. Да смотри, как у дам вино доходит, сейчас чтоб другая, да переменяй так, чтоб глазом нельзя заметить.

Глафира Фирсовна. Как об нас-то, голубчик, старается.

Лавр Мироныч. Ты Германа фокусника видел? Бутылка одна, но чтоб бесконечная, чтоб двух бутылок перед дамами не стояло. Боже тебя сохрани!

Сергей. Понимаем, помилуйте-с.

Лавр Мироныч. После лафиту прямо шампанское. (Дульчину.) Ведь так, я думаю?

Дульчин кивает головой.

и чтоб это непрерывно.

Салай Салтаныч выходит из-за деревьев и останавливается сзади Лавра Мироныча,

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
который его не замечает.

Как по стакану разольешь, пустые бутылки прочь и чтобы пара свежих стояла, так постепенно и подставляй! Как ты ставишь, как откупориваешь, этого чтоб я не видал, а чтоб две свежих на столе постоянно были, а пустой посуды ни под каким видом, чтобы она исчезала. Слышишь? – две, ни больше, ни меньше! Мы приехали поужинать и выпить, а не хвастаться! К нам будут подходить разные господа, так чтоб видели, что ужин богатый, а скромный: фруктов много, а вина мало.

Сергей. Слушаю-с.

Салай Салтаныч (Лавру Миронычу). Кутишь?

Лавр Мироныч (пожимая плечами). Вот народ! Нельзя поужинать порядочно: сейчас кутишь. Когда я дождусь, что вы образованнее будете?

Салай Салтаныч. Чего тебе ждатель? кути, кути!

Лавр Мироныч. Не могу же я копеечничать по-твоему, у меня другие привычки. (Тихо.) Дочь невеста, пойми! И не рад, да тратишься. Нам надо жениха не какого-нибудь, дедушка принимает большое участие.

Салай Салтаныч. Жених есть?

Лавр Мироныч. Нет еще. Куда торопиться? Не нам с Флором Федулычем за женихами бегать; пусть за нами побегают.

Салай Салтаныч (Сергею). Кажи, что написал?

Сергей подает книжку.

Лавр Мироныч. Да, посмотрим еще! Ты всю жизнь на счет должников и обедаешь, и ужинаешь, так наострился, вкус знаешь.

Рассматривают книжку. Дульчин и Ирина выходят на авансцену, Глафира Фирсовна за ними.

Ирина. Пойдемте танцевать!

Дульчин. Нет, уж увольте. Это занятие для меня никакого интереса не представляет. Мало ли кавалеров?

Ирина. Я знаю, что много, да какие! Ах, если бы женщины ангажировали!

Дульчин. Что ж бы было?

Ирина. Я бы вас ангажировала.

Дульчин. Польку танцевать?

Ирина (со вздохом). Нет.

Дульчин. Что же? На звезды смотреть?

Ирина. Нет, на всю жизнь.

Глафира Фирсовна (Дульчину). А ты слушай да на ус мотай.

Ирина. Наша участь очень печальна: не мы ангажируем, а нас ангажируют. Наше дело сидеть у косяцата окна, мечтать, вздыхать и ждать счастья.

Глафира Фирсовна. А ты слушай да себе на ус мотай!

Проходят в глубину.

Салай Салтаныч (отдает книжку Сергею). Хорошо, чего еще! Закуску прибавь, балык. Хороший есть, с Дону пришел.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru
Лавр Мироныч. Благодарю, забыл, из ума вон. Ты с нами ужинаешь, Салай?

Салай Салтаныч. Куда еще пойду. Конечно.

Лавр Мироныч (Дульчину). Вадим Григорьич, вы сделаете нам честь откусать с нами? Позвольте просить.

Дульчин (издали). Благодарю вас, с удовольствием.

Лавр Мироныч (Сергею). Пойдем, я тебе покажу место.

Лавр Мироныч и Сергей уходят. Входят Дергачев и три приятеля: молодой, средний и старый.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Ирина, Глафира Фирсовна, Дергачев, три приятеля: молодой, средних лет и старый, и прислуга.

Молодой (Дульчину). Мы идем в макао играть, недостает четвертого, не угодно ли вам?

Дульчин. Хорошо, господа, я приду.

Салай Салтаныч (тихо Дульчину). Не равна игра, не играй.

Молодой. Так мы сядем. Подождать, что ли?

Дульчин. Садитесь! Уж я сказал, что приду.

Салай Салтаныч. Проиграть можно, выиграть нельзя. Какая игра! (Пожимает плечами и уходит).

Средний. Да что ж, не в ноги ему кланяться. Пойдемте, четвертого найдем.

Старый (Дульчину). Мы вас подождем. Мне-то вот уж и не надо бы играть, не надо бы. Проиграю наверное, уж я это знаю: быть бычку на веревочке.

Дульчин. Почему же?

Старый. Примета есть, сон нехороший видел. Приходите.

Три приятеля уходят в клуб.

Дульчин (Ирине). Извините, я должен буду вас оставить.

Ирина (пожимая плечами). Играть! Неужели игра может занимать вас?

Дульчин. Жизнь наша такая скучная, такая пошлая, а карты производят некоторое волнение; я эти ощущения люблю.

Ирина. Какие это ощущения!... (Потупясь.) Разве нет ощущений, которые гораздо приятнее. (Быстро.) Так вот проиграете же за это.

Дульчин. За что же за это?

Ирина. Что меня оставляете. А во-вторых, кто в любви счастлив, тот в картах несчастлив. (Отходит.)

Глафира Фирсовна. А ты слушай да на ус мотай.

Глафира Фирсовна и Ирина уходят налево.

Дергачев. Ты опять играть? Ох, не советую, Вадим, не советую.

Дульчин. Поди ты прочь! Я люблю игру, вот и все. Мне теперь нужно играть и рисковать... может быть, я и выиграю. Где же я возьму денег? Ты, что ли, мне дашь?

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Дергачев. Ну, как знаешь, как знаешь. Конечно, нужно рисковать: ты прав. Вадим, нет ли у тебя двух рублей серебром?

Дульчин. Ты вот только с советами лезешь да денег просишь! И нашел время просить. Я иду играть, а он денег просит.

Дергачев. Здесь нельзя без издержек, а ведь я езжу только для тебя.

Дульчин. Да зачем ты мне?

Дергачев. Ну, все-таки... я хоть посижу подле тебя для счастья... это иногда много значит.

Дульчин и Дергачев уходят в клуб. Прилив публики из клуба.

На авансцену выходят разносчик вестей, москвич и иногородный.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Наблюдатель, разносчик вестей, иногородный, москвич, публика.

Разносчик вестей. Слышали? Здесь две компании кутить собираются!

Наблюдатель. На здоровье.

Разносчик вестей. После в Стрельну поедут, вот бы примазаться.

Наблюдатель. Надо знать, на какие деньги кутят.

Разносчик вестей. Да разве не все равно?

Наблюдатель. Нет, не все равно, деньги разные бывают. Прежде покутить любо было. Прежде деньги были веселые, хорошие такие, барские. Где, бывало, кутят, где бросают деньги, туда иди смело. Так и знаешь, что компания хорошая, люди честные, доверчивые, великодушные, бесхитростные, как птицы небесные, которые ни сеют, ни жнут, ни в житницы собирают.

Иногородный. А если ни сеют, ни жнут, откуда же у них деньги были?

Наблюдатель. Деньги им обязаны были доставлять те, которые и сеют, и жнут, и в житницы собирают.

Иногородный. Все это вы верно говорите, вот как есть.

Наблюдатель. А теперь, где кутят, там по большей части дело не совсем чисто; а иногда и прокурорский надзор, того гляди, себе занятие найдет.

Разносчик вестей. Да ведь такую компанию сразу заметишь.

Наблюдатель. Не заметите, мы плохие физиономисты. Читают в газетах: такой-то уличен в подделке векселей, такой-то скрылся, а в кассе недочету тысяч двести; такой-то застрелился... Кто прежде всего удивляется? Знакомые, помилуйте, говорят, я вчера с ним, ужинал, а я играл в преферанс по две копейки. А я ездил с ним за город, и ничего не было заметно. Нет, пока физиономика не сделалась точной наукой, от таких компаний лучше подальше.

Разносчик вестей. Вы скептик, вы мизантроп, с вами разговаривать нельзя, вам лечиться нужно.

За сценой туш. Публика и разносчик вестей уходят в клуб.

Иногородный (наблюдателю). Наша компания не опасная-с, не угодно ли?

Наблюдатель. Не угодно.

Иногородный. Опять-таки не угодно-с?

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Наблюдатель. Опять-таки.

Москвич (иностранному). Нет, уж теперь позвольте и мне. Пора и честь знать.

Иностраный. На все ваша воля! Слова не услышите. Я и угощать люблю, и от угощения никогда не бегаю.

Москвич. Опять туда же? К источнику, в буфет?

Иностраный. Да помилуйте, место какое! Кажется, кабы не жена да не торговля, жить бы туда переехал.

Москвич и иностраный уходят. Слева входят Флор Федулыч и Салай Салтаныч.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Наблюдатель, Флор Федулыч, Салай Салтаныч.

Салай Салтаныч. Редко ездешь, Флор Федулыч. Зачем приехал?

Флор Федулыч. Погулять, Салай Салтаныч, погулять.

Салай Салтаныч. Гуляй, гуляй. С внучкой вместе приехал?

Флор Федулыч. Нет, один-с, она с отцом. Я, Салай Салтаныч, вольная птица, как и вы-с, то есть как ты. Кто же вам «вы» говорит.

Салай Салтаныч. Все равно, и мы так говорим. Хорошая девушка.

Флор Федулыч. Не дурна-с.

Салай Салтаныч. Надо жених искать, надо замуж отдать, самый пора.

Флор Федулыч. Отдадим, Салай Салтаныч, не беспокойся.

Салай Салтаныч. Хороший жених, много деньги надо.

Флор Федулыч. Наше дело; у тебя занимать не станем.

Салай Салтаныч. Зачем тебе занимать, свои деньги есть.

Флор Федулыч. Хочу подумать об этом; дело не чужое-с.

Салай Салтаныч. Много дашь?

Флор Федулыч. Не обижу.

Салай Салтаныч. И сто тысяч дашь – не обидишь, и пять тысяч дашь – не обидишь. Деньги какая обида!

Флор Федулыч. Глядя по жениху, и деньги будут.

Салай Салтаныч. Что скрываешь? Зачем скрывать?

Флор Федулыч. Ведь не ты женишься. Да за тебя и не отдадим, очень нам нужно азиатцев-то разводить. Ничего не даю, ничего-с.

Салай Салтаныч. Шутишь, шутишь. Есть благородные женихи.

Флор Федулыч. А с благородными благородный и разговор будет, а с тобой, Салай Салтаныч, мы этот разговор кончим.

Салай Салтаныч. Водка пил?

Флор Федулыч. Нет еще, своего часу дожидаясь.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Салай Салтаныч. Пойдем балык есть, с Дону пришел.

Флор Федулыч и Салай Салтаныч уходят. Из клуба выходят Дульчин и Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Наблюдатель, Дульчин и Дергачев.

Дульчин. Вот так ловко! В десять минут!... Не томили долго.

Дергачев. Я тебе говорил!

Дульчин. Убирайся! Ну, музыка, нечего сказать! И какой разговор невинный: у того зубы болят, охает, на свет не глядит... тот приметам верит, дурной сон видел; третий на свидание торопится: «Мне, говорит, некогда; пожалуйста, господа, не задерживайте!...» Чиста работа!

Дергачев. Каково было мне смотреть, как ты деньги отдавал.

Дульчин. Ну, кончено дело! Об себе я не тужу, я пустой человек, и жалеть меня нечего. Мне жаль Юлию... ты ее успокой.

Дергачев. Зачем ее успокаивать.

Дульчин. Вот что: ты ночуешь, конечно, у меня?

Дергачев. Пожалуй.

Дульчин. Напьемся завтра кофейку, потом заряду я револьвер...

Дергачев. Полно, что ты!

Дульчин. Что ж, в яму садиться? А после ямы что? Ведь я жил, жил барски, ни в чем себе не отказывал, каждая прихоть моя исполнялась. Ведь мне ходить по Москве пешком в узеньких, коротеньких брючках да в твиновом пальто с разноцветными рукавами – это хуже смерти. Я – не ты, пойми! Я рубли-то выпрашивать не умею.

Дергачев. За что ж ты меня обижаешь? Я тебе преданный человек.

Дульчин. Что мне в твоей преданности! гроша она не стоит медного, а мне нужны тысячи: где я их возьму? Сегодня последний день моей веселой жизни. Прокутим остальные деньги, поедem отсюда куда-нибудь, мне здесь все надоело, все противно.

Входит Салай Салтаныч.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Дергачев, Салай Салтаныч.

Салай Салтаныч (Дульчину). Проиграл?

Дульчин. Проиграл.

Салай Салтаныч. Пустой ты человек, пустой ты человек.

Дульчин. Ну, пожалуйста, ты не очень, я не люблю.

Салай Салтаныч. Пустой ты человек, дрянь.

Дульчин (грозно). Салай!

Салай Салтаныч. Что пугаешь! Нажил деньги – человек, прожил деньги – дрянь.

Дульчин. Да как я наживу, ефиоп ты этакой! Деньги наживают либо честным трудом, либо мошенничеством, ни того ни другого я не умею и не могу.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Салай Салтаныч. Честно – нечестно, кому нужно! Нажил деньги, хороший человек стал, все кланяются; детям оставил, спасибо скажут.

Дульчин. Знаю я вашу азиатскую философию-то.

Салай Салтаныч. Я твой папенька знал, хороший был человек, деньги нажил, тебе оставил, а ты что?

Дульчин. Толкуй! Тогда можно было наживать.

Салай Салтаныч. Всегда можно, надо ум.

Дульчин. Ум-то хорошо, да и совесть иметь не мешает.

Салай Салтаныч. Какая совесть? Где твоя совесть? Чужие деньги бросал – это совесть? Тому должен – не заплатил, другому должен – не заплатил, это совесть? Украл, ограбил – нехорошо; а бросал деньги – хуже. Украл, ограбил – молись богу, бедным давай, бог простит. Я знал один грек, молодой был, разбойник был, по морю ходил, пушки палил, людей бил, грабил; состарился, монастырь пошел, монах стал, человек нравоучительный.

Дульчин. Ну, что ты с баснями-то, очень мне нужно!

Салай Салтаныч. Кто бросал деньги, убить его скорей; такой закон надо. Слушай: были три брата, там на Кавказе..

Дульчин. Мне и без тебя скучно, а ты с глупостями.

Салай Салтаныч. Родитель деньги оставил: один торговал, другой торговал – наживал, третий мотал. Братья подумал, подумал, поговорил промежду себя, посоветовал, зарядил ружье, убил его, как собака. Больше не стоит.

Дульчин. Ну, прощай! Твоих рассказов не переслушаешь.

Салай Салтаныч. Куда – прощай! Пойдем, ужинать будем. Слушай меня! Будешь слушать меня, человек будешь, не будешь слушать – пропадешь!

Входит Глафира Фирсовна.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Дергачев, Салай Салтаныч, Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна. Иль нейдет, упрямится? Поди, Салай Салтаныч, я его приведу, – у меня не вырвется.

Салай Салтаныч (Дульчину). Приходи, будем ждать. (Уходит налево.)

Глафира Фирсовна. Эк тебе счастье привалило! Не ожидала, – признаюсь. С ума ведь ты девку-то свел.

Дульчин. Будто?

Глафира Фирсовна. Уж верно. Только ты теперь не зевай, лови, а то улетит. Закружи ее хорошенько, и шабаш! Аль не умеешь?

Дульчин. Положим, что умею; увлечь девушку не трудно, особенно такую чувствительную, да что толку?

Глафира Фирсовна. Как что толку! Миллион – шутишь ты этим?

Дульчин. Это не про нас, что себя обманывать! Тут, кроме нее, отец да дедушка, им мучника ведь надо, посолидней; нашему брату таких денег не дают. Разве это люди? это бульдоги.

Глафира Фирсовна. Ошибаешься: они ее неволить не станут; кто мил, за того и

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya1alexander.ru ступай! С такими-то деньгами, да за немилого идти – была оказия! Не принцесса, не высокого рода, только что деньги, так с деньгами и идти за милого человека, это прямой расчет. Чем ты не кавалер, чем ты не пара? Вон она сама идет; не утерпела. Ты смелей с ней, без канители; она не очень чтоб из стыдливых.

Дульчин (с иронией). Благодарю за науку. Я в свое счастье, Глафира Фирсовна, плохо верю.

Глафира Фирсовна уходит.

(Дергачеву.) Отойди подальше! Отойди прочь!

Дергачев уходит в глубину. Входит Ирина.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Дергачев, Ирина.

Ирина. Что вы нейдете ужинать с нами, Вадим Григорьич? Мы сейчас садимся.

Дульчин. Не хочется, не расположен.

Ирина (заглядывая Дульчину в лицо). Что вы такой мрачный?

Дульчин. Жизнь надоела, Ирина Лавровна.

Ирина (с испугом). Да вы серьезно?

Дульчин. Очень серьезно.

Ирина. Вам все надоело, вы так много испытали всего.

Дульчин. Да, я все испытал, и все надоело; одного только я не испытал и, вероятно, никогда не испытаю.

Ирина. Чего же это?

Дульчин. Не скажу я вам, с чего вы взяли! Не обо всем можно говорить с барышней.

Ирина. Со мною можно говорить обо всем.

Дульчин. Вы не знаете жизни, не видали, не испытали ничего; вы меня не поймете, и не должны понимать.

Ирина. Я не испытала жизни, но я читала много романов, и я понимаю всё, всё.

Дульчин. А начни я говорить, вы застыдитесь и убежите.

Ирина. О нет, вы меня не знаете.

Дульчин. Ну извольте, я не испытал страстной любви.

Ирина. Страстной?

Дульчин. Да, любовь наших женщин какая-то вялая, сонная. Мне надо жгучей страсти, бешеной, с кинжалом и ядом.

Ирина. Быть может, вы ее не замечали?

Дульчин. Хороша бешеная страсть, коли еедаже заметить нельзя.

Ирина (тихо). Вадим!

Дульчин. Что угодно?

Ирина. Она здесь, она давно кипит в груди моей.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Дульчин. Неужели?

Ирина. Да, бешеная африканская страсть, поверь мне.

Дульчин. Верю, и очень может быть, что я близок к счастью, но...

Ирина. Зачем «но»?

Дульчин. Но ты не должна идти против родных, ты не должна терять их расположения, терять богатство, которое они тебе обещают. Не увлекайся своими африканскими страстями, Ирень, я от тебя такой жертвы не приму.

Ирина. Да никакой жертвы, никаких даже препятствий! Зачем же мне сдерживать свою страсть, милый Вадим? Ты ведь мой?

Дульчин. Невероятно, это уж слишком много счастья.

Ирина. Ах, поверь, поверь! погоди, я пришлю сейчас к тебе папашу, поговори с ним. (Отходит.) Милый, милый. (Посылает поцелуй и уходит.)

Дульчин (Дергачеву). Лука!

Дергачев подходит.

Будем жить, братец, судьба начинает мне улыбаться. Я сейчас делаю предложение.

Дергачев. А как же Юлия Павловна?

Дульчин. А что ж Юлия Павловна? что я могу для нее сделать? жениться на ней, о чем она мечтает и дни и ночи; а чем жить будем? у ней ничего, у меня тоже. что ж, нам мелочную лавочку открыть да баранками торговать? а я женюсь и по крайней мере расплачусь с ней, это честнее будет. конечно, я ее огорчу очень, очень; ну, поплачет, да тем и дело кончится! а пока надо ей солгать что-нибудь.

Дергачев. Ах, лгать! а лгать нехорошо, Вадим, очень нехорошо.

Дульчин. Ты опять с нравоученьями! так вот я тебя лгать-то и заставлю, и ты будешь лгать. ты пойдешь завтра к Юлии Павловне и скажешь, что я в Петербург уехал.

Дергачев. что ж, я пожалуй, я пойду; только ведь меня гоняют оттуда.

Дульчин. Претерпи, бедный друг, все претерпи ради дружбы.

Дергачев. Претерплю. Вадим, я у тебя шафером, я платье новое сошью. Нет ли у тебя трех рублей серебром?

Дульчин. Опять денег просить? какая привычка у тебя!

Дергачев. Ты ужинать пойдешь, сядешь за стол с компанией, а мне на вас глазами хлопать? ведь я езу сюда только для тебя, а ты знаешь, как здесь все дорого.

Дульчин (достает деньги). Ну, на рубль, отвяжись!

Входит Лавр Мироныч.

Отойди, исчезни!

Дергачев уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Наблюдатель, Дульчин, Лавр Мироныч.

Лавр Мироныч. Вадим Григорьич, пожалуйста, милости просим.

Дульчин. Лавр Мироныч, два слова.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Лавр Мироныч. К вашим услугам. Весь – внимание.

Дульчин. Между благородными людьми разговор должен быть короткий.

Лавр Мироныч. Совершенно справедливо-с.

Дульчин. Мне нравится ваша дочь.

Лавр Мироныч. Девушка хорошая, образованная и с большим приданым.

Дульчин. Она и так хороша, а с приданым, конечно, еще лучше. Но не о приданом речь. Теперь вот в чем вопрос: нравлюсь ли я вам?

Лавр Мироныч. Вы? Как же, помилуйте, мы ваше знакомство за честь себе считаем.

Дульчин. Да погодите, не распространяйтесь! Я хочу жениться на вашей дочери, вы отец, вас обойти нельзя, так согласны вы или нет, как говорится, осчастливить нас?

Лавр Мироныч. С полным удовольствием. За честь почту.

Дульчин. Ну и прекрасно! Только с одним условием: погодите разглашать, мне надо устроить кой-какие делишки.

Лавр Мироныч. Как вам угодно. Не извольте себя стеснять ни в чем. Пожалуйста кушать; а послезавтра прошу на вечер ко мне, познакомитесь с нами покороче, посмотрите, как живем.

Дульчин. А вы мастер ужины заказывать.

Лавр Мироныч. Какой это ужин! Здесь клуб, тот же трактир, вот дома другое дело! Отчего ж себе и не позволить, коли есть средства. Пожалуйста, пожалуйста, ждут-с.

Лавр Мироныч и Дульчин уходят. Прилив публики.

На авансцену выходят разносчик вестей, москвич, иногородный.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Разносчик вестей, наблюдатель, иногородный, москвич, публика.

Разносчик вестей (наблюдателю). Вот вы и не угадали, Дульчин женится на Прибытковой.

Наблюдатель. Погодите, не торопитесь.

Разносчик вестей. Да чего годить. Я сейчас был у их стола и разговор слышал между дамами и невестой. Вот посмотрите, их посадили вместе, за их здоровье пьют.

Наблюдатель. Погодите, цыплят осенью считают.

Иногородный. За чье здоровье пьют-с?

Разносчик вестей. За здоровье жениха и невесты.

Иногородный. Какая оказия-то! Помилуйте, как такой случай пропустить? И мы за их здоровье по бокальчику, по другому опрокинем. (Москвичу.) Пожалуйста в буфет-с.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

Юлия Павловна.

Глафира Фирсовна.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Флор Федулыч.

Дергачев.

Михевна.

Лавр Мироныч.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Юлия Павловна (у двери направо), потом Михевна.

Юлия. Михевна, дай-ка там из шифоньерки картон!

Михевна, за сценой: «Синенький?»

Да, синенький.

Михевна: «Запереть шифоньерку-то?»

Не надо, после запрешь, от кого нам запираяться-то?

Михевна. Что это какой он легкий, ровно пустой?

Юлия. А вот посмотрим, что в нем. (Садится у стола, открывает картон и вынимает подвенчальный газовый вуаль с флердоранжем.)

Михевна. Ай, прелести какие!

Юлия. Я венчалась в этом, Михевна.

Михевна. Помню, помню. Уж больно хорошо было смотреть на тебя; все как есть любовались. Вот опять бог привел, опять скоро наденешь.

Юлия. Нет, надо новенький купить, да и цветы не годятся; я не девушка.

Михевна. Вот еще разбирать, надела, да и все тут. Стоит на один раз покупать.

Юлия. И, мать моя, неловко, не годится. Да что на такое дело жалеть! Я и платье новое закажу. Я знаешь что думаю? Сделать себе убор из незабудок.

Михевна. Из незабудок? Да, мол, не забудь меня.

Юлия. Уж теперь мне чего бояться? Все мои страхи кончились: связаны будем на всю жизнь. И какой человек, Михевна, превосходный! Прямо можно сказать, что благородный человек.

Михевна. Чего лучше! Бравый кавалер, ловкий, смелый, разительный. Кажется, ни перед кем на свете не сробеет.

Юлия. А что Глафира Фирсовна говорила: «Брось ты его сама, пока он тебя не бросил». За что так обижать человека, что он ей сделал?

Михевна. Зависть: ненавистно чужое счастье.

Юлия. Я так и подумала. Конечно, я ему все свои деньги отдала; так ведь я не без рассудка, не без расчета это сделала. Я таки довольно скупа и на деньги жалостлива.

Михевна. Ох, жалостлива! К мужчинам-то вы больно жалостливы!

Юлия. Что ж делать-то! А все-таки денег даром не брошу.

Михевна. Как можно бросить. Вперед-то не угадаешь: бог знает, как придется век-то доживать.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Юлия. Да, да; первое дело себя обеспечить... Я, нужды нет, что женщина, а очень хорошо жизнь понимаю. И до чего он благороден! Он ведь ни одной копейки у меня так не взял, на всё документы выдал. А разве не все равно, что деньги, что документы? Значит, все мои деньги при мне. Разумеется, с другого взять нечего, а у него имение большое. Он мне все планы показывал и все рассказывал, где леса, где луга. Только оно еще не разделено с сестрицей, нужно часть какую-то ей выделить. Как разделятся, он все имение на мое имя запишет, а я ему документы отдам – вот и квит. А имение-то гораздо дороже. Вот как благородно с его стороны. Летом будем в деревне жить, ты у меня будешь хозяйством заниматься. То-то всякой птицы разведешь.

Михевна. Ах, страсть моя! Вот уж душеньку-то отведу. Я вчера у соседней белых индюшек видела, так на чужих больше часу любовалась. Петуха кохинхинского мы отсюда своего возьмем; этаким красота за сто рублей не сыщешь.

Юлия. Какое чувство в человеке! Вчера по его делам ему вдруг деньги понадобились; ну, я выручила его; так веришь ли: на коленях стоял, руки целовал, плакал, как ребенок.

Михевна. Когда свадьбу-то думаете?

Юлия. Да мы решили, что в будущую среду. Сегодня приедет, поговорим, когда вечер сделать, родных позвать. (Разбирая в картоне). Ах, что это, как попало сюда?

Михевна. Что такое, матушка?

Юлия. Иммуортель, цветы с гроба. Это я на похоронах мужа в сумасшествии-то ухватила... Как они очутились здесь?

Михевна. Да что мудреного! Сунула сама как-нибудь; а то кому же?

Юлия. К добру ли?

Михевна. Ничего. Что ж тут дурного? Память. Съезди на могилку!

Юлия. Ах, сердце упало. Какая я глупая, суеверная, теперь все будет думаться. А ведь ехать надо платье заказывать, а то после некогда будет с хлопотами.

Михевна. А что ж, поезжай! Убрать кардон-то?

Юлия. Оставь до меня, я скоро приеду.

Уходит. Михевна за ней и скоро возвращается.

Михевна. Чего испугалась? Сама не знает, чего. Ну, вот и мы скоро заживем по-людски... А то всех стыдимся, от людей прячемся, только и свету в глазах, что Вадим Григорьевич... Что хорошего? А насчет индеек я секрет знаю, я цыплят выхожу, всех выхожу. Главная причина, когда они будут оперяться...

Звонок.

Кого бог дает? Гости за гостями! Что-то разъездились! А бывало, по месяцу человека не увидишь.

Входит Глафира Фирсовна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Михевна и Глафира Фирсовна.

Глафира Фирсовна. Никак, опять не застала?

Михевна. Не застала, матушка.

Глафира Фирсовна. То-то я вижу, прокатила как будто она. Я было крикнула, не

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru оглядывается, не бежать же мне за ней, я не скороход. Все-таки, думаю, зайду, хоть отдохну. (Садится у стола.) Что новенького, с чем поздравить?

Михевна. Свадьба у нас.

Глафира Фирсовна. Что ты говоришь? Когда?

Михевна. В среду.

Глафира Фирсовна. Ну что ж, давай бог! (Взглянув в картон.) Уж и вуаль подвенечный вынула, вот как торопится.

Михевна. Платье заказывать поехала.

Глафира Фирсовна. Подвенечное?

Михевна. Подвенечное.

Глафира Фирсовна. Какая заботливая!

Михевна. Уж поскорей бы, да из головы вон. Легко ли дело, полтора года маемся.

Глафира Фирсовна. Бывает, что и накануне свадьбы дело расходится.

Михевна. Ну, уж не дай бог и вздумать-то. Да она, кажется, не переживет.

Глафира Фирсовна. Все на свете бывает! Вольный человек, что ветер, как его удержишь? Как бы на цепь их приковывать, другое дело. Да я так болтаю. Пируйте, пируйте, да и нас зовите. Чтой-то, мать, стала я замечать за собой: меня около этого часу все как будто на пищу позывает.

Михевна. Нешто дурное дело! Значит, весь здоров человек. Там пирожок есть.

Глафира Фирсовна. В шкапчике?

Михевна. В шкапчике.

Звонок.

Глафира Фирсовна. Вон звонит кто-то. Ты не беспокойся, я дорогу знаю. (Уходит.)

Входит Лавр Мироныч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Михевна, Лавр Мироныч.

Лавр Мироныч. Юлия Павловна у себя?

Михевна. Нету, батюшка, нету; сейчас только выехала.

Лавр Мироныч. Скоро будут, может быть?

Михевна. Не знаю, батюшка, к портнихе поехала.

Лавр Мироныч. Уж я дожидаться ни в каком случае не могу. Потрудись сказать, милая, что я сам заезжал.

Михевна. Хорошо, батюшка, хорошо.

Лавр Мироныч. Так и скажи: Лавр Мироныч сами, мол, были.

Михевна. Уж знаю, знаю.

Лавр Мироныч. Просят пожаловать завтра на вечер.

Михевна. Хорошо, скажу.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Лавр Мироныч. Усерднейше, мол, просят.

Михевна. Да, да, так, так.

Лавр Мироныч. Убедительнейше, мол, просят.

Михевна. «Победительно просят». Так и скажу, отчего ж не сказать.

Лавр Мироныч. Нет, уж не надо; ты меньше говори, а лучше отдай вот это. (Подает пригласительный билет.)

Михевна. Записочку?

Лавр Мироныч. Да, записочку. Да скажи, что Лавр Мироныч сами заезжали.

Михевна. Хорошо, скажу.

Лавр Мироныч. Только не забудь, пожалуйста.

Михевна. Кто ж его знает? Долго ль забыть-то! Какая память-то у меня плохая стала. Надо быть, что забуду.

Лавр Мироныч. Сделай милость, попомни!

Михевна. Рада бы радостью. Погоди, батюшка, я вот что: я вот сюда положу. (Кладет билет на стол.) Коли я на грех забуду, так она сама увидит.

Звонок.

Еще гости, ну! А может, и сама.

Входит флор федулыч. Глафира Фирсовна входит из боковых дверей.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лавр Мироныч, Михевна, флор федулыч, Глафира Фирсовна.

Михевна (Флору федулычу). Нету самой-то. Подождете разве? (Уходит.)

Глафира Фирсовна. Ну, все вместе съехались.

Лавр Мироныч. Дяденька, честь имею кланяться. Заехал пригласить Юлию Павловну.

Флор федулыч. Для чего же это вам Юлия Павловна понадобилась?

Глафира Фирсовна. Да он всю Москву приглашает, так уж кстати.

Лавр Мироныч. Всю Москву мне и поместить негде, а что касается до Юлии Павловны, то у нас многие дамы лансье не танцуют, а они в этом танце всегда отличались.

Глафира Фирсовна. Ну, уж ей, чай, не до танцев будет.

Флор федулыч. Нет, уж вы, Лавр Мироныч, Юлию Павловну оставьте в покое-с.

Лавр Мироныч. Как им будет угодно, я им билет оставил, вот здесь на столе.

Флор федулыч. Совсем напрасно, совсем напрасно-с.

Лавр Мироныч. Моя обязанность, дяденька, была учтивость соблюсти против них.

Флор федулыч. Я вам объяснять теперь не стану, после сами узнаете, только напрасно, Лавр Мироныч, напрасно-с.

Глафира Фирсовна. Да убрать его, вот и вся недолга.

Флор федулыч. Приберите-с.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Глафира Фирсовна (берет билет). Я его себе возьму, на знак памяти. (Про себя.) Вот на подвенечный его вуаль и положить. (Кладет в картон.) Он и мне билет завез. Где это ты такой бумаги взял? Уж такая деликатность, такая деликатность.

Лавр Мироныч. Заезжал, карточки для меню покупал, так понравилась бумага, я и взял.

Флор Федулыч. И меню напишете?

Лавр Мироныч. Да-с, разложить по кувертам.

Флор Федулыч. Значит, у вас будет ужин во всей форме?

Лавр Мироныч. Где же, дяденька, во всей форме? На это капиталу моего не хватит. Я думал сначала а-ля фуршет, да после рассудил, что ужин будет солиднее.

Глафира Фирсовна. Мороженое будет?

Лавр Мироныч. Без мороженого невозможно. Будет всех сортов.

Глафира Фирсовна. А мое-то, которое я-то люблю?

Лавр Мироныч. Это какое же-с?

Глафира Фирсовна. Что в стаканчиках-то подают?

Лавр Мироныч. Пунш гласе́! Собственно для вас особенное будет.

Глафира Фирсовна. Вот спасибо. Только вели почаще подавать. Ты отсюда домой, что ли? Так подвез бы меня.

Лавр Мироныч. Я нынче дома ближе ночи не буду-с. Вот теперь занимаюсь цветами. К беседке на площадку нужно померанцевых деревьев в кадках. Ужинать будем на террасе, она парусиной покрыта; так чтоб замаскировать потолок, хотим распланировать гирлянды из живых цветов. При всем том букеты нужны, при входе будем каждой даме предлагать.

Глафира Фирсовна. Чудесно, брат.

Лавр Мироныч. Опять же об музыке беспокоюсь. Приятно, дяденька, полный оркестр иметь, и чтоб настоящие артисты были. За ужином увертюру из «Аиды»; потому вещь новая. А ежели «Морской разбойник Цампа», так это довольно обыкновенно.

Флор Федулыч. Я еще помню, когда из «Лодоиски» играли и из «Калифа Багдадского».

Лавр Мироныч. А в заключение «Барыню», и человек двенадцать вприсядку пускались. Прошли, дяденька, те времена. Европа-то бы от нас недалеко ушла, кабы у нас, у людей со вкусом, побольше капиталу было.

Глафира Фирсовна. Ты отсюда куда же?

Лавр Мироныч. К Бутырской заставе в оранжерею.

Глафира Фирсовна. Ну, мне не по дороге.

Флор Федулыч. Не беспокойтесь, я вас доставлю.

Лавр Мироныч. Дяденька, честь имею кланяться; Глафира Фирсовна, равномерно и вам. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Флор Федулыч, Глафира Фирсовна, потом Михевна.

Глафира Фирсовна. Люблю молодца за обычай! Удивит Москву Лавр Мироныч.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Флор Федулыч. Да уж он давно удивляет: задает пиры, точно концессию получил.

Глафира Фирсовна. С деньгами-то не мудрено; а попробуй-ка без денег шику задать!
Тут очень много ума нужно.

Флор Федулыч. Да-с, уж либо очень много ума иметь, либо совсем не иметь ни ума,
ни совести. Вы зачем же собственно к Юлии Павловне пожаловали?

Глафира Фирсовна. Рассказать ей про друга-то хотела.

Флор Федулыч. Какую же в этом надобность вы находите?

Глафира Фирсовна. Ах, боже мой, какую надобность!... Вы, Флор Федулыч, стало быть,
женской природы не знаете. Поди-ка, утерпи! Так тебя и подмывает, да чтоб первой,
чтобы кто другой не перебил.

Флор Федулыч. Нет, уж эту неприятную обязанность я на себя возьму-с.

Глафира Фирсовна. Опять же и то любопытно посмотреть, как она тут будет руками
разводы разводить да приговоры приговаривать. Ведь ишь ты, подвенечное платье
поехала заказывать, а тут вдруг удар. Этакое представления разве скоро
дождешься?

Флор Федулыч. Нет, уж вы не извольте беспокоиться, из чужого горя для себя
спектакль делать. Ежели не взять осторожности, так может быть вред для здоровья
Юлии Павловны. Поедьте, я вас подвезу немного, а через четверть часа я заеду
сюда опять, чтобы, сколько возможно, успокоить их.

Глафира Фирсовна. А я к ней вечером заеду понаведаться.

Из передней входит Михевна.

Михевна. Уезжаете? Как же сказать-то, Флор Федулыч?

Флор Федулыч. Ничего не говорите. Я заеду-с.

Флор Федулыч и Глафира Фирсовна уходят.

Михевна. Разъехались, и слава богу. Того и гляди приедет Вадим Григорьич; что
хорошего при чужих-то? Стыд головушке.

Звонок.

Вот он, должно быть, и есть, либо сама.

Входит Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Михевна, Дергачев.

Дергачев. Дома Юлия Павловна?

Михевна (махает рукой). Нету дома, нету, нету.

Дергачев. Ну я подожду, хорошо, я подожду.

Михевна. Да чего ждатель? Шли бы.

Дергачев. Как шли бы? Это странно! Мне нужно.

Михевна. Да вы приятель Вадима Григорьича или сродственник ему доводиться?

Дергачев. Ну, приятель, друг, как хочешь.

Михевна. Так мы его самого ждем; а уж вы-то тут при чем же? Еще кабы
сродственник, так не выгонишь, потому свой; а коли посторонний, так бог с тобой!

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Шел бы в самом деле домой, что уж!

Дергачев. Да коли я говорю, что у меня дело есть.

Михевна. Ну, какое дело! Обыкновенно, съесть что-нибудь послаще, винца выпить хорошенького, коли дома-то тонко. Как погляжу я на тебя, ты, должно быть, бедствуешь: все больше, чай, по людям кормишься.

Дергачев. Что говорит, что говорит! Ах!

Михевна. Так, милый человек, на все есть время. Вот будет свадьба, так милости просим, кушайте и пейте на здоровье, сколько душа потребует, никто тебя не оговорит! Нам не жалко, да не ко времени.

Дергачев. Ах, черт возьми! Вот положение! Вот она дружба-то! Кто тебе говорит о съестном? Ничего мне съестного не нужно, пойми ты! Мне надо говорить с Юлией Павловной!

Михевна. Об чем говорить! Все переговорено, все покончено. Не твоего это ума дело. Заходи в другой раз, я тебя попотчую, а теперь не прогневайся.

Дергачев. Ничего мне от тебя не надо, никакого потчеванья.

Михевна. Ну, как можно! Шел далеко и устал, и проголодался. По всему видно, что человек тощий. Да, милый, не в раз ты попал.

Дергачев. Как с такой бабой говорить! Вот тут и сохраняй свое достоинство.

Михевна. Коли вправду что нужно, так подожди у ворот, а то лезешь прямо в комнаты.

Дергачев. А! У ворот! С ума можно сойти.

Михевна. Поди, поди, бог с тобой! Честью тебя просят.

Дергачев. Не пойду я, отойди от меня.

Михевна. Так неужто за квартальным послать!

Звонок.

Эх, страмник! Во всем доме только бабы одни, а он лезет насильно.

Входит Юлия Павловна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дергачев, Юлия Павловна, Михевна.

Юлия (быстро). Вадим Григорьич еще не приезжал?

Михевна. Нету, матушка, много гостей было, а он не приезжал. Да вот тут приятель его толчется, невесть чего ему нужно, не выживу никак.

Юлия (увидав Дергачева). Ах, Лука Герасимыч, я вас и не вижу. Вы от Вадима Григорьича?

Дергачев. По его поручению-с.

Михевна. Так бы и говорил, а то лепечет без толку.

Юлия. Оставьте нас, Михевна.

Михевна уходит.

Что, здоров? Он приедет сегодня? Конечно, приедет. Скоро он приедет?

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Дергачев. Нет, вы не ждите, он никак не может.

Юлия (с испугом). Как? Почему? Болен он? Захворал вдруг? Да говорите же!

Дергачев. Совершенно здоров. Он уехал в Петербург.

Юлия. Не может быть, вы лжете. Он бы должен сказать, предупредить меня.
(Потерявшись.) Как же это?

Дергачев. Он теперь должен быть... позвольте... на какой станции?... Я думаю, в Клину-с.

Юлия. Почему же он не предупредил меня? Что все это значит? Да скажите же, ради бога!

Дергачев. Почему не предупредил? Я это не знаю-с. Это, вероятно, впоследствии объяснится.

Юлия. Когда впоследствии? Зачем впоследствии, отчего не теперь? Да что же это такое значит?

Дергачев. Он, вероятно, скоро напишет мне из Петербурга.

Юлия. Вам? Да он мне должен писать, а не вам. Что это, что это... (Плачет.)

Дергачев. Конечно, и вам напишет; вы не беспокойтесь!...

Юлия. Ведь у нас день свадьбы назначен. Вы знаете, вы слышали, что в среду наша свадьба.

Дергачев. Нужно отложить-с.

Юлия. Да надолго ли? Когда этому конец будет? Надолго ли еще откладывать?

Дергачев. На неопределенное время-с.

Юлия. Нет у него жалости ко мне. Истерзалась я, истерзалась. Лука Герасимыч, ну, будьте судьей. Назначить через пять дней свадьбу и вдруг уехать, не сказавшись. Ну разве это делают? Честно это? Ну разве это не мучение для женщины? За что же, ну скажите, за что же. Отчего же не показался? Говорите, отчего он не показался?

Дергачев. Может быть, ему совестно.

Юлия (с испугом). Совестно? Что же он сделал? Что же сделал?

Дергачев. Он ничего не сделал-с. Денег нет у него, а сегодня по векселю платить нужно.

Юлия. Как нет денег? У него были деньги, я знаю, что были. Это вздор!

Дергачев. Да, он получил вчера каких-то шесть тысяч. Так велики ли деньги, надолго ль ему? Он имел несчастье или, лучше сказать, неосторожность проиграть их тут же в полчаса. Разве вы его не знаете?

Юлия. Что вы говорите? Уж и не верится. Да нет, не может быть, нельзя ему проиграть этих денег: они слишком дороги для него и для меня. Слышите вы – слишком дороги!

Дергачев. А вот проиграл-с. Я останавливал; да что же делать – слабость.

Юлия. Ах, нет! Бессовестно, безбожно! Не оправдывайте его! Грех проиграть эти деньги, обида кровная, чему верить после этого! Всего можно ждать от такого человека. (Задумывается.)

Дергачев. Я Вадима не оправдываю, оправданий ему нет.

Юлия. Скажите, еще-то что, что еще-то?

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Дергачев. Ах, не спрашивайте! Вы расстроены... уехал в Петербург за деньгами, вот и все. Что я вам могу еще сказать?

Юлия (с трудом выговаривая слова). Очень-то дурного ничего нет?

Дергачев. Не знаю, не знаю-с. Я все сказал, что мне приказано.

Юлия. А!! Вы говорили, что вам приказано? Вы говорили не то, что было, что знаете, а то, что вам приказано; значит, вы говорите неправду, вы меня обманываете? (Покачивая головой.) Видно, все вы одинаковы! Вам ничего не стоит обмануть женщину. Бессовестные, бессовестные!

Дергачев. Я лучше уйду-с, что мне в чужом пиру похмелье принимать!

Юлия. Да ступайте, кто вас держит... Погодите... Надо же мне знать... Совсем, что ли, он хочет меня бросить? Так вы бы и говорили! Да и как еще он смеет это сделать? Как смеет?

Дергачев. Помилуйте, как я могу отвечать вам на такие вопросы?

Юлия. А не можете, так зачем вы пришли? Зачем вы пришли, я вас спрашиваю?... Только расстраивать, только мучить меня.

Дергачев. Меня послали к вам, я и пришел, и сказал все, что велено.

Юлия. Да ведь не верю я вам; ни вам, ни ему не верю я ни в одном слове. Какой же тут разговор?

Дергачев. Не верите, а сами спрашиваете. Я ухожу, Юлия Павловна, прощайте!

Юлия. Давно бы вам догадаться! (Садится к столу.) Разве вы не видите, в каком я положении?

Дергачев идет к двери.

Ах, постойте!

Дергачев останавливается.

Нет, прощайте.

Дергачев уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Юлия (одна).

Юлия. Точно сердце чувствовало, так вот и ждала, что какая-нибудь помеха случится... Однако совестно ему: не показался... Ну, да как не совеститься!... Проиграл деньги, которые я с таким стыдом... А ведь покажись, пожалуй, простила бы... ну, само собой, простила бы... боится меня. Нет, еще есть в нем совесть, значит, еще не совсем он испорчен... В Петербург поехал за деньгами... Какие у него там деньги... Долго ль он за ними проездит?... Ничего не известно... Пожалуй, целый месяц пройдет. А в месяц мало ли что может случиться... Чего не передумаешь!... С ума можно сойти... Давеча этот цветок, этот иммортель... как он очутился в картоне? И не трогала я этого картона, до нынешнего дня не прикасалась к нему... Понять не могу. (Смотрит в картон.) Это еще что такое? (Вынимает пригласительный билет и читает.) «Лавр Мироныч Прибытков покорнейше просит сделать ему честь – пожаловать на бал и вечерний стол по случаю помолвки дочери его Ирины Лавровны с Вадимом Григорьевичем Дульчиным». (Протирает глаза рукой и снова читает.) «С Вадимом Григорьевичем Дульчиным...» Михевна, Михевна!

Входит Михевна.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Юлия Павловна, Михевна.

Юлия. Кто... кто был без меня? Вот это кто привез?

Михевна. Лавр Мироныч, матушка.

Юлия (бессознательно). Лавр Мироныч... Лавр Мироныч... на бал и вечерний стол...

Михевна. Да, матушка, очень просили-с.

Юлия (едва переводя дух). Очень просили... По случаю помолвки Ирины Лавровны с Вадимом Григорьичем Дульчиным.

Михевна. Что ты, матушка, бог с тобой! Разве другой какой!...

Юлия. Нет, он, Михевна, сердце говорит, что он... (Громко.) Он, он! (Встает.)
Михевна, я поеду, я поеду... Давай шляпку!...

Михевна. Зачем, матушка, зачем ехать?

Юлия. Надо ехать, надо... Я поеду сейчас.

Михевна. Куда? Что ты! Не пущу.

Юлия. Да мне видеть его только; в глаза посмотреть... Какие у него глаза-то...

Михевна. В таком ты огорчении, да со двора ехать! Нет, нет!

Юлия. Захотел он меня обидеть, ну, бог с ним!... Я с него потребую, я возьму деньги мои... Ведь как же мне жить-то? Ведь все он взял.

Входит Флор Федулыч.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Юлия Павловна, Михевна, Флор Федулыч.

Юлия. Ах, Флор Федулыч, горе, горе! (Показывает билет.) Вот посмотрите!

Флор Федулыч (взглянув на Михевну). Какая неосторожность-с.

Михевна. Да разве я, батюшка, знала?

Юлия. Флор Федулыч, помогите! Хоть бы деньги-то мне воротить, хоть бы деньги-то!

Флор Федулыч. Вам одно остается, Юлия Павловна, пренебречь!

Юлия. Конечно, не надо мне его, не надо. А деньги-то, Флор Федулыч, ведь почти все мое состояние... Я хочу получить.

Флор Федулыч. Получить с него невозможно-с; но вы не беспокойтесь.

Юлия. Нет, я возьму... За что же? После такой обиды... Нет, помилуйте, за что же я ему подарю?...

Флор Федулыч. У него ничего нет-с.

Юлия. Как нет? Есть у него имение большое, богатое... Он мне планы показывал.

Флор Федулыч. Положительно ничего нет-с. Я верные известия имею. Было после отца имение, да давным-давно продано и прожито-с.

Юлия (с испугом). Значит, и это был обман. (Едва держится.) Обман! Все, все брошено даром.

Флор Федулыч. Успокойтесь, успокойтесь!

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Юлия. Я покойна... Да неужели, да неужели он так бесстыден?

Флор Федулыч. Вы очень доверчивы-с... Пренебречь его следует, пренебречь!

Юлия. Ограблена и убита! (Садится.) Я нищая, обиженная совсем... За что же они еще смеются-то надо мной, на свадьбу-то приглашают? Ах, ах! (Обморок.)

Флор Федулыч (Михевне). Им дурно. Поскорей спирту, что-нибудь-с.

Михевна уходит.

Юлия (в бреду). Сероватое платье-то себе заказала... Правду люди-то говорили, а я не верила... Теперь как же?... Две у него невесты-то? Сероватое я платье-то... я заказала. Ах, нет, желтоватое. (Несколько придя в себя.) Ах, что это я говорю!... (Тихонько смеется.) Ха, ха, ха! Флор Федулыч! Ха, ха, ха! (Подает руку Флору Федулычу.)

Входит Михевна.

Надеть подвенечное платье и флердоранж, да и ехать на бал... ха, ха, ха!... Они рядом будут сидеть... взять бокал... Совет вам да любовь... ха, ха, ха! Ну, поцелуйтесь! (Обморок.)

Флор Федулыч (Михевне). Опять обморок, и руки похолодели. Этим не шутят-с; скорей за доктором-с... Это уж близко смерти-с.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ЛИЦА:

Дульчин.

Дергачев.

Салай Салтаных.

Ирина.

Глафира Фирсовна.

Юлия Павловна.

Флор Федулыч.

Мардарий, человек Дульчина.

Богато убранный кабинет; ни книг, ни бумаг, вообще никаких признаков умственной работы не заметно. Большой письменный стол, на нем два-три юмористических листа, чернильница со всем прибором, револьвер и фотографический портрет. Две двери: одна, в глубине, в залу, другая с левой стороны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дульчин (входит из боковой двери), потом Мардарий.

Дульчин. Эй, Мардарий?!

Входит Мардарий.

Кто там звонил?

Мардарий. Да старуха эта оттуда, как ее?!

Дульчин. Какая старуха?

Мардарий. От Юлии Павловны.

Дульчин. Михевна?

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Мардарий. Да, Михевна.

Дульчин. Что ей надо?

Мардарий. За портретом приходила.

Дульчин. За каким портретом?

Мардарий. Вот за этим самым-с.

Дульчин. На что ей портрет?

Мардарий. Кто ж их знает? Нужно, говорит.

Дульчин. Да кому нужно-то, Юлии Павловне, что ли?

Мардарий. Ничего этого она не говорит, ладит одно: нужно, очень нужно, вот и все.

Дульчин. Что же ты?

Мардарий. Говорю: барин в Петербург уехал, отдать нельзя, потому нам трогать ничего не приказано.

Дульчин. Что ж, поверила?

Мардарий. Как их разберешь? Морщится как-то, стоит. Не то она плачет, не то смеется. А словно как не верит.

Дульчин. А дальше что?

Мардарий. Об чем еще с ней разговаривать? Запер дверь, она домой пошла.

Дульчин. Одеваться приготовил?

Мардарий. Приготовил.

Дульчин. Фрак?

Мардарий. Фрак.

Дульчин. И сапоги лаковые?

Мардарий. Все, как следует.

Дульчин. Достань бриллиантовые запонки!

Мардарий. Что ж, и запонки можно.

Дульчин. Завтра поутру я встану поздно.

Мардарий. По обыкновению.

Дульчин. Нет, поздней обыкновенного. Так приготовь ты мне к завтраку бифштекс хороший, сочный.

Звонок.

Кто там еще? Если кто из кредиторов, так ты...

Мардарий. Да уж знаю, не привыкать стать.

Дульчин. Только ты разнообразь свою фантазию; а то всем одно и то же.

Мардарий уходит.

Надо у Салая денег взять, потребуются расходы. Надо казаться богатым женихом, а

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
это не дешево стоит.

Входит Дергачев в старомодном фраке, завит весьма неискусно, барашком, держит себя важно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дульчин, Дергачев, потом Мардарий.

Дергачев. Здравствуй, Вадим! Во-первых, не беспокойся, там все благополучно; я устроил. Ну, душа моя, поедем!

Дульчин. Куда это?

Дергачев. К Прибытковым.

Дульчин. С этих-то пор?

Дергачев. Разве рано? Ну, подождем. (Важно ходит по комнате.)

Дульчин. Зачем же вихры-то у тебя? Да еще в разные стороны торчат.

Дергачев. Ах, оставь. Я знаю, что я делаю. Хорошо тебе, – ты красавец. Я тебе не льщу, ты заметь, я не льщу никогда... Ты красавец, тебе прикрас не нужно; а с моей фигурой и физиономией надо же что-нибудь.

Дульчин. Сомневаюсь, чтоб такие вихры могли кому-нибудь служить украшением.

Дергачев. Я прошу тебя, оставь! Пожалуйста, без сарказмов. Это уж мое дело.

Дульчин. И фрак подгулял.

Дергачев. Фрак! Ну, что ж такое фрак? Где я возьму? Фрак еще ничего... Ты скажи там всем, что я оригинал, ну и кончено... что я могу хорошо одеваться, да не хочу. Мало ли какие оригиналы бывают.

Дульчин. Если ты находишь оригинальным ходить в засаленном фраке...

Дергачев. Ну, оставь же, я тебя прошу.

Дульчин (ложась на диван). Однако я не совсем хорошо себя чувствую.

Дергачев. Что с тобой?

Дульчин. Гадко спал сегодня.

Дергачев. Отчего это?

Дульчин. Все-таки, как хочешь, важный шаг, миллионное дело; да уж очень совестно перед Юлией.

Дергачев. Ты в сентиментальном расположении.

Дульчин. Как ни толкуй, как ни поворачивай дело, а ведь я поступил с ней жестоко. Да, сумел я устроить свою жизнь, что ни шаг, то подлость. Нет, довольно. Сколько мучений, сколько вот таких ночей! А тоска, братец!... Кончено! Давай руку.

Дергачев. Зачем?

Дульчин. Я, Лука, человек слабый, распущенный, вот мое несчастье. Мне непременно нужно торжественно поклясться перед кем-нибудь, дать честное слово, оно меня будет удерживать.

Дергачев (подавая руку). Ну, изволь, на!

Дульчин. Вот тебе честное, благородное слово, что это последняя низость в моей

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru жизни. И я сдержу свое слово. Пора быть честным человеком.

Дергачев. Да, уж это ни в каком случае не мешает.

Дульчин. Да и гораздо покойнее для себя-то, ты пойми!

Дергачев. Еще бы!

Дульчин. Ну, что Юлия, как она?

Дергачев. Ничего; задумалась, может быть плачет. Я ей сказал, что скоро она получит известие от тебя... Теперь тебе остается написать ей честное, откровенное письмо.

Дульчин. Письмо написать недолго, но как избежать объяснений. А ведь это, я тебе скажу, такая неприятная история! Женские слезы для меня нож острый.

Дергачев. Объяснения предоставь мне. На то и друзья, чтобы все неприятное сваливать на них. Ну, душенька, вставай, поедем.

Дульчин. Рано еще. Кто ж ездит на вечер засветло.

Дергачев. Если ты еще не скоро поедешь, так что ж моим лошадям стоять! Послушай, нет ли у тебя чего-нибудь мелочи, кучеру дать на чай? Пусть он съездит пока, чаю напьется.

Дульчин. Какому кучеру? Откуда у тебя кучер?

Дергачев. Ну, извозчик, разве это не все равно? Я к тебе в карете приехал.

Дульчин. С какой стати? Друг мой, не вдавайся в роскошь, она ведет к гибели.

Дергачев. Отчего же не позволить себе изредка. Все с тобой, все на чужой счет, точно приживалка. Ты сам по себе приедешь, а я сам по себе, больше тону.

Входит Мардарий.

Мардарий. Дама какая-то желает вас видеть.

Дульчин (вставая с дивана). Незнакомая? Не Юлия Павловна?

Мардарий. Никак нет-с.

Дульчин. Проси сюда. (Дергачеву.) Убирайся!

Мардарий уходит.

Дергачев. Куда же мне?

Дульчин. Куда хочешь.

Дергачев. Мне бы только посмотреть, что это за дама такая.

Дульчин. Ступай в залу, взгляни и останься там, и не смей сюда носу показывать.

Дергачев уходит. Входит Ирина.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дульчин, Ирина.

Дульчин. Кого я вижу! Ирина Лавровна!

Ирина. Ах, Вадим, ах!

Дульчин. Какими судьбами? Я сейчас сам к вам собирался...

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Ирина. Нет, нет, Вадим, не надо.

Дульчин. Как, что такое, что случилось?

Ирина. Бежим.

Дульчин. Куда?

Ирина. Куда хочешь, только подальше от Москвы, подальше от людей.

Дульчин. Чем же нам люди мешают? Зачем бежать?

Ирина. Зачем? Ты спрашиваешь? Затем, чтобы утопать в блаженстве.

Дульчин. Да утопать в блаженстве мы можем и здесь.

Ирина. Ах, это такая проза, так обыкновенно, так пошло...

Дульчин. Ваша правда, но зато блаженство будет прочнее, потому что с благословением родительским соединяются и другие блага, которые необходимы в жизни.

Ирина. Но я, Вадим, боюсь.

Дульчин. Чего, моя фея, чего?

Ирина. Нас могут разлучить, есть препятствие...

Дульчин. Я знаю, про какое препятствие ты говоришь... Я ожидал этого... Не бойся, она... то есть это препятствие, не помешает. Когда я желаю достигнуть цели, я знать не хочу никаких препятствий.

Ирина. Какой высокий, благородный характер! Вот и у меня такой же: видишь, какая я смелая. Итак, Вадим, или бежать, или сейчас же венчаться; чтоб ничто не могло помешать нам.

Дульчин. Сейчас нельзя, это так скоро не делается.

Ирина. Как ты хочешь, но уж я тебя не оставлю, я готова на все.

Дульчин. Как не оставишь? Что это значит?

Ирина. Я к тебе совсем, я не уйду от тебя.

Дульчин. Ирина, подумай!

Ирина. Нет, нет; иначе бы я не была достойна тебя. Ты мой, и никто нас не разлучит. Вадим, ты искал страстной любви... счастливец, ты ее нашел! (Бросается на шею к Вадиму.)

Звонок.

Дульчин. Постой, погоди! Кто-то звонит. Войди на минуту вот сюда. (Провожает Ирину в боковую дверь и идет в залу.)

Входит Салай Салтаныч.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дульчин, Салай Салтаныч.

Дульчин. Салай Салтаныч, вот кстати.

Салай Салтаныч. Я всегда кстати, мы не ходим некстати.

Дульчин. Денег, Салай, денег! Давай больше!

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Салай Салтаныч. Зачем шутить! Шутить не надо.

Дульчин. Какие шутки? Я тебе серьезно говорю, мне нужны деньги.

Салай Салтаныч. Кому не нужны? Всем нужны. И мне нужны. Заплати по векселю.

Дульчин. По какому векселю? Ты, никак, с ума сошел. Ты обещал ждать, и сам же кредит предлагал. Ну, вчера, вчера, помнишь? Ты опомнился ли со вчерашнего-то?

Салай Салтаныч. Вчера был день, – нынче другой; вчера было дело, – нынче другое.

Дульчин. Белены, что ль, ты объелся?

Салай Салтаныч. Я дома хороший шашлык ел, кахетинский пил, белены не кушал. Плати деньги!

Дульчин. Да ты много кахетинского-то выпил?

Салай Салтаныч. Самый мера, сколько надо. Мы много не пьем: бутылка-другой выпил, довольно. Зачем разговор? Плати деньги!

Дульчин. Откуда я тебе возьму? Ты мои дела знаешь: мои деньги впереди, пока у меня только надежда.

Салай Салтаныч. Твоя надежда – ничего! Никто грош не даст.

Дульчин. Но ведь ты сам верил, ты сам меня жениться заставлял.

Салай Салтаныч. Кто знал?... Он пустой человек, дрянь человек. Тебя обманул, меня обманул, всех обманул.

Дульчин. Кто «он»? Кто обманул?

Салай Салтаныч. Лавр Мироныч. Он фальшивый векселя делал.

Дульчин. Фальшивый? Зачем?

Салай Салтаныч. Дисконт отдавал, деньги брал.

Дульчин. На чье же имя?

Салай Салтаныч. Зачем далеко ходить? Дядя есть, Флор Федулыч. Чего долго думать?

Дульчин. Ну, что ж Флор Федулыч? Да говори толком!

Салай Салтаныч. Нынче узнал, нынче и деньги платил.

Дульчин. Заплатил-таки?

Салай Салтаныч. А не заплати, – Лавр Мироныч в Сибирь гуляй. А теперь мало-мало сидит в яме; дело знакомый, не привыкать.

Дульчин. Да ты видел Флора Федулыча?

Салай Салтаныч. Сейчас видел, в Троицком с ним сидел, долго говорил.

Дульчин. А как же внучка, Ирина Лавровна?

Салай Салтаныч. А внучка чем виновата? Ее дело сторона.

Дульчин. Значит, его расположение к ней не изменилось?

Салай Салтаныч. За что обижать?

Дульчин. И приданое даст?

Салай Салтаныч. Обижать не будет.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Дульчин. Да сколько даст-то?

Салай Салтаныч. Не обидит.

Дульчин. Да говори! Ведь уж ты выпросил, вызнал все; разве ты утерпишь?

Салай Салтаныч. Говорил, пять тысяч дам. Его слову верить можно, купец обстоятельный, как сказал, так и будет.

Дульчин. Ты меня зарезал.

Салай Салтаныч. Кто тебя резал? Сам себя резал. Деньги платить будешь?

Дульчин. Разумеется, не буду; откуда я возьму?

Салай Салтаныч. Так и знать будем. А мне что с тобой делать, скажи! Советуй, сделай милость.

Дульчин. Мое дело было занимать, а уж получай с меня, как знаешь; это твое дело. Не мне тебя учить.

Салай Салтаныч. И за то спасибо, прощай! (Уходит.)

Вбегают Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дульчин, Дергачев.

Дергачев. Я слышал, все слышал. Какое несчастье, какое ужасное несчастье, Вадим!

Дульчин (хохочет). Миллионы-то как скоро растаяли.

Дергачев. Значит, ехать незачем. Как же карета?...

Дульчин. Какой урок, какой урок!

Дергачев. Куда я денусь с каретой?

Дульчин (не слушая). Но!! Падать духом не надо; еще не все потеряно. Юлия меня выручит.

Дергачев. Разве отпустить карету да велеть завтра приехать за получением?

Дульчин. Вот когда узнаешь цену искренней любви.

Дергачев. А потом опять «завтра», и так до бесконечности. Денег у меня нет, ведь я для тебя нанимал...

Дульчин. К ней, сейчас же к ней! Ручки, ножки целовать. Лука, я тебе клялся, что больше не сделаю ни одной низости в жизни; я тебе повторяю эту клятву, торжественно повторяю. Ты ее помни.

Дергачев. Да я ее помню... А как же мне с каретой-то?

Дульчин. А мне что за дело? (Подойдя к боковой двери.) Ирина Лавровна!

Ирина выходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дульчин, Дергачев, Ирина.

Дульчин. Ирина Лавровна, теперь я знаю препятствие, которое мешает нашему блаженству.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Ирина. Вы знаете? (Кланяется Дергачеву.)

Дульчин. И, к несчастью, оно так серьезно, что вам надо будет отправляться к родителю.

Ирина. Что это значит, Вадим Григорьич?

Дульчин. У меня сейчас был Салай Салтаньч; вы, вероятно, слышали хоть часть нашего разговора?

Ирина. Я не имею обыкновения подслушивать.

Дульчин. Он мне передал, какое несчастье случилось с вашим родителем.

Ирина. Ну, так что же? Это до меня не касается.

Дульчин. Нет-с, в таком положении оставлять родителя не следует; ваша обязанность – утешать его в горе.

Ирина. Со мной шутить нельзя, Вадим Григорьич. Мне здесь лучше, чем дома, и я отсюда не выйду. Вы завлекли меня до того, что я прибежала в вашу квартиру, в квартиру молодого человека; для меня отсюда только один выход: под венец!

Дульчин. Можно и под венец, только нет никакой надобности.

Ирина. Как нет надобности?

Дульчин. Решительно никакой! У вас приданого только пять тысяч, у меня ни копейки и пропасть долгу.

Ирина. Где же ваше состояние?

Дульчин. Было когда-то; но от него осталось одно только воспоминание, и уж я давным-давно гол как сокол и кругом в долгу. Но меня очень полюбили мои кредиторы и не захотели ни за что расстаться со мной. Они меня ссужали постоянно деньгами, на которые я и жил по-барски, но ссужали не даром. За меня вдвое, втрое заплатила им одна бедная женщина. То есть она была богата, а мы ее сделали бедной. Теперь она ограблена, и кредиту больше нет. На днях меня посадят в яму, а по выходе из ямы мне предстоит одно занятие: по погребам венгерские танцы танцевать за двугривенный в вечер: «Чибиряк, чибиряк, чибиряшечки!...»

Ирина. Ах, какая гадость!

Дульчин. «С голубыми ты глазами, моя душечка!» Угодно вам идти со мною под венец?

Ирина. Я думала, что вы очень богаты.

Дульчин. И я думал, что вы очень богаты.

Ирина. Как я ошиблась.

Дульчин. И я ошибся.

Ирина. Но как же вы говорили, что вы ищете страстной любви.

Дульчин. Отчего же мне не говорить?

Ирина. Но как вы смели обращаться с такими словами к девушке?

Дульчин. Однако вы слушали мои слова очень благосклонно...

Ирина. Но какое вы имели право желать страстной любви?

Дульчин. Всякий смертный имеет право желать страстной любви.

Ирина. Скажите пожалуйста! Человек, ничего не имеющий, требует какой-то бешеной, африканской страсти. Да после этого всякий приказчик, всякий ничтожный человек...

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru Нет, уж это извините-с. Только люди с большим состоянием могут позволять себе такие фантазии, а у вас ничего нет, и я вас презираю.

Дульчин. На ваше презрение я желал бы вам ответить самой страстной любовью, но... что вы сказали о мужчинах, то же следует сказать и о женщинах: на страстную любовь имеют право только женщины с большим состоянием.

Ирина. Вы невежа, и больше ничего.

Дульчин. Что вы сердитесь? Оба мы ошибались одинаково, и нам друг на друга претендовать нельзя. Мы люди с возвышенными чувствами и, чтобы удивлять мир своим благородством, нам недостает пустяков – презренного металла. Так ведь это не порок, а только несчастье. И потому дайте руку и расстанемся друзьями.

Ирина. Конечно, и я тоже виновата. (Подает руку.)

Дульчин. Ну, вот! Зачем ссориться? Жизнь велика, мы можем встретиться при других, более благоприятных обстоятельствах.

Ирина. Ах, кабы это случилось!

Дульчин. И непременно случится, я в свою звезду верю: такие люди, как я, не пропадают. А теперь садитесь в карету и поезжайте домой. (Дергачеву.) Бедный друг мой, проводи Ирину Лавровну. Вот и для твоей кареты работа нашлась. (Почтительно целует руку Ирины.)

Ирина уходит под руку с Дергачевым.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дульчин (один).

Дульчин. Я даже рад, что дело так кончилось, на совести покойнее. Да и по русской пословице: «Старый друг лучше новых двух». Она хоть и говорит, что больше у нее денег нет, да как-то плохо верится: поглядишь, и найдется. Оно точно, я просил последней жертвы, да ведь это только так говорится. Последних может быть много, да еще несколько уж самых последних.

Входит Глафира Фирсовна.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дульчин, Глафира Фирсовна.

Дульчин. Глафира Фирсовна, очень рад вас видеть.

Глафира Фирсовна. Хоть бы ты и не рад, да нечего делать, я по должности с обыском пришла. (Осматривает комнату.)

Дульчин. От кого, Глафира Фирсовна, по какому полномочию?

Глафира Фирсовна. Пропажа у нас, вот и послали меня сыщиком. Да ты говори прямо: у тебя, что ли!

Дульчин. Что за пропажа, чего вы ищете?

Глафира Фирсовна. Вещь не маленькая и не дешевая. Уголовное, брат, дело: живой человек пропал – Ирина Лавровна сбежала.

Дульчин. Так почему же вы у меня ее ищете?

Глафира Фирсовна. Где ж искать-то? ей больше деваться некуда. Явное подозрение на тебя. Она нынче утром толковала: убегу да убегу к нему, жить без него не могу.

Дульчин. Ошиблись вы в расчете, Глафира Фирсовна, хитрость ваша не удалась. Не

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru вы ли ее и отправили ко мне, чтобы потом захватить с поличным и заставить меня жениться.

Глафира Фирсовна. А мне-то какая корысть, женишься ты или нет?

Дульчин. Много ли приданого-то за Ириной Лавровной?

Глафира Фирсовна. Али уж вести дошли?

Дульчин. Миллионы-то ваши где?

Глафира Фирсовна. Было, да сплыло. Разве я виновата? Ишь ты, отец-то у нее какой круговой! Дедушка было к ней со всем расположением... А его расположение как ты ценишь? Меньше миллиона никак нельзя. Теперь на племянников так рассердился – беда! «Никому, говорит, денег не дам, сам женюсь!» Вот ты и поди с ним! И ты хорош: тебе только, видно, деньги нужны, а душу ты ни во что считаешь. А ты души ищи, а не денег! Деньги – прах, вот что я тебе говорю. Я старый человек, понимающий, ты меня послушай.

Дульчин. И я человек понимающий, Глафира Фирсовна; я знаю, что душа дороже денег. Я такую душу нашел, не беспокойтесь!

Глафира Фирсовна. Нашел, так и слава богу.

Дульчин. Я – счастливец, Глафира Фирсовна: меня любит редкая женщина, только я ее ценить не умел. Но после таких уроков я ее оценил; я ее люблю так, как никогда не любил.

Глафира Фирсовна. Где же ты такую редкость обрящил?...

Дульчин. Эта женщина – Юлия Павловна Тугина.

Глафира Фирсовна. А ты думаешь, я не знала? Вот новость сказал. Да, добрая, хорошая была женщина.

Дульчин. Как «была»? Она и теперь есть!

Глафира Фирсовна. Да, есть; поди, посмотри, как она есть. Эх, голубчик, уходил ты ее...

Дульчин. Что такое? Что вы говорите? «Уходил»! Что значит «уходил»? Я вас не понимаю.

Глафира Фирсовна. Померла, брат.

Дульчин. Вот вздор какой! Что вы сочиняете, она вчера была и жива, и здорова.

Глафира Фирсовна. Утром была здорова, а к вечеру померла.

Дульчин. Да пустяки, быть не может.

Глафира Фирсовна. Да что ж мудреного! Разве долго помереть! Оборвется нутро, жила какая-нибудь лопнет, вот и конец.

Дульчин. Не верю я вам; с чего вдруг здоровый человек умрет? Нужно очень сильное нравственное потрясение или испуг.

Глафира Фирсовна. И все это было: заехал Лавр Мироныч, завез приглашение на бал и вечерний стол по случаю помолвки Ирины Лавровны с Вадимом Григорьичем Дульчиным, оборвалось сердце, и конец.

Дульчин. Да неужели? Умоляю вас, говорите правду.

Глафира Фирсовна. Какой еще тебе правды? Ошиб обморок, приведут в чувство, опять обморок. Был доктор, говорит: коли дело так пойдет, так ей не жить. Вечером поздно я была у ней, лежит, как мертвая; опомнится, опомнится да опять глаза заведет. Сидим мы с Михевной в другой комнате, говорим шепотом, вдруг она легонько крикнула. Поди, говорю, Михевна, проведай! Вернулась Михевна в слезах;

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
«надо быть, говорит, отходит». С тем я и ушла.

Дульчин. Да лжете вы, лжете вы! Вы только хотите мучить меня. Что ж вы не плачете? Кто ж не заплачет об такой женщине? Камнем надо быть...

Глафира Фирсовна. Эх, голубчик, всех мертвых не оплачешь. Будет с меня, наплакалась я вчера... А вот хоронить будем, и еще поплачу.

Дульчин (схватываясь за голову). Были в моей жизни минуты, когда я был гадок сам себе, но такого отчаяния, такого аду я еще не испытывал; знал я за собой слабости, проступки, оплакивал их, хоть и без пользы... а уж это ведь преступление! Ведь я... ведь я – убийца. (Останавливается перед портретом Юлии.)

Глафира Фирсовна. Не воротись, мой друг, не воротись. Да что это темнота какая! Хоть огня велеть подать. (Уходит в залу.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Дульчин (один).

Дульчин. За что я погубил это сокровище? Я губил тебя, губил твое состояние, как глупый ребенок, который ломает и бросает свои дорогие, любимые игрушки. Я бросал твои деньги ростовщикам и шулерам, которые надо мной же смеются и меня же презирают. Я поминутно оскорблял твою любящую, ангельскую душу, и ни одной жалобы, ни одного упрека от тебя. И наконец я же убил тебя и не был при твоих последних минутах. Я готов бы отдать свою жизнь, чтобы слышать последние звуки твоего голоса, твой последний прощающий вздох.

Тихо входит Юлия.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Дульчин, Юлия Павловна.

Дульчин. Боже мой! Что это? Юлия! Юлия! Или это обман чувств, милый призрак! Юлия, ты жива?

Юлия тихо подходит к столу и берет портрет.

Но ведь видений не бывает! (С радостью.) Юлия, ты жива, ты сама пришла ко мне! А мне сказали, что ты умерла.

Юлия. Да, это правда: я умерла.

Дульчин (с ужасом). Умерла!...

Юлия. Да, умерла... для вас.

Дульчин. О, если ты жива для других, так жива и для меня. Ты не можешь принадлежать никому, кроме меня; ты слишком много любила меня, такая любовь не проходит скоро, не притворяйся! Твоя бесконечная преданность дала мне несчастное право мучить тебя. Твоя любящая душа все простит... и ты опять будешь любить меня и приносить для меня жертвы.

Юлия. Я принесла последнюю.

Дульчин. Юлия, не обманывай себя и меня! Ну, что такое особенно ужасное я сделал? Все это было и прежде, и все ты мне прощала.

Юлия. Я вам прощаю это, одного я простить не могу.

Дульчин. Чего же, чего же?

Юлия. Вы проиграли деньги.

Дульчин. Да разве это в первый раз? Да и велики ль деньги?

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Юлия. Какие б ни были, но они мне стоили слез, стыда и унижения, а вы их бросили.

Дульчин. Во-первых, для женщины слезы стоят недорого, а во-вторых, женщины ничего не жалеют и все переносят для любимого человека.

Юлия. Я не жалела ничего для вас, я вам отдала все, что у меня было; я все переносила для вас; одного я переносить не могу... Вы заставляли меня терпеть стыд и унижение и не оценили этой жертвы. Я рассудила, что лучше мне разлюбить вас, чем сделаться для вас бесстыдной попрошайкой.

Дульчин. Хороша любовь, которая может хладнокровно рассуждать.

Юлия. А эта любовь хороша? (Подает пригласительный билет лавра Мироньча.)

Дульчин. Это клевета, это интрига против меня. Впрочем, как я глуп, что оправдываюсь перед тобой! Разве перед любовницами оправдываются, разве их уговаривают? Слова только больше сердят их, логика на них не действует; на них действуют ласки, поцелуи, объятия...

Юлия. У меня есть защита.

Дульчин (смеется). Защита? Зачем? Разве я обижать тебя хочу?

Юлия. Ваши ласки хуже обиды для меня.

Дульчин. Защита! Но кто же может, кто осмелится защищать тебя от моих ласк, да еще здесь, в моей квартире? (Хочет обнять Юлию.)

Юлия (громко). Флор Федулыч!

Входят Флор Федулыч, Глафира Фирсовна, Дергачев.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Дульчин, Юлия Павловна, Флор Федулыч, Глафира Фирсовна, Дергачев

Флор Федулыч. Честь имею кланяться, милостивый государь! Извините, что без приглашения. Впрочем, мы люди знакомые. (Юлии.) Что вам угодно, Юлия Павловна?

Юлия. Нам пора домой.

Флор Федулыч (предлагая руку). Пожалуйста-с.

Дульчин. Позвольте, Юлия Павловна, у нас остаются не кончены счета: я вам должен.

Юлия. Вы мне ничего не должны.

Дульчин. У вас есть мои документы.

Флор Федулыч. Изволите ли видеть-с, я имею согласие Юлии Павловны на вступление со мной в брак; так ваши документы поступают ко мне вместо приданого.

Дульчин (в изумлении). Вместо приданого?!

Флор Федулыч. Так точно-с. Угодно вам будет деньги заплатить, или прикажете представить их ко взысканию? Один Монте-Кристо на днях переезжает в яму-с, так, может быть, и другому Монте-Кристо угодно будет сделать ему компанию? Во всяком случае, прошу вашего извинения. Имею честь кланяться. (Уходит под руку с Юлией.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Дульчин, Глафира Фирсовна, Дергачев.

Последняя жертва. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Глафира Фирсовна. Вот так отрезал! Коротко и ясно! Каков старик-то у меня.

Дульчин. Револьвер! (Идет к столу.)

Глафира Фирсовна. Ах, страсти!

Дергачев (загораживает Дульчину дорогу). Что ты? Что ты?

Дульчин. Револьвер, говорю я! (Подходит к столу.) Отойди, убью!

Глафира Фирсовна. Что ты? Что ты? Дай мне срок хоть на улицу выбраться!

Дульчин. Никто ни с места!

Глафира Фирсовна (падая в кресло). Постой! Дай хоть зажмуриться-то!

Дульчин (взяв револьвер). Прощай, жизнь! (Садится к столу.) Без сожаления оставляю я тебя, и меня никто не пожалеет; и ты мне не нужна, и я никому не нужен. (Осматривает револьвер.) Как скоро и удовлетворительно решает он всякие затруднения в жизни. (Открывает стол.) Написать несколько строк?... Э! Зачем! (Взглянув в ящик.) Вот еще денег немножко, остатки прежнего величия. Зачем они останутся? Не прокутить ли их или не затягивать? (Подумав несколько, бьет себя по лбу.) Ба!! Глафира Фирсовна!

Глафира Фирсовна. Что, батюшка? Да ты застрелился или нет еще?

Дульчин. Нет еще, черт возьми, а надо бы. Да это еще не уйдет от меня. Попробую еще пожить немного. Глафира Фирсовна, у Пивокуровой много денег?

Глафира Фирсовна. Миллион.

Дульчин. Сватай мне вдову Пивокурову.

Глафира Фирсовна. Давно б ты за ум взялся.

Дульчин. Вези меня к ней сейчас. (Встает.)

Глафира Фирсовна. Вот и расчудесно. Поедем! (Встает.)

Дергачев. Нет, позволь, а как же мне быть с каретою-то?

Дульчин. А вот женюсь на Пивокуровой, тогда за все расплатимся.

1877

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!